

Валерий
Капранов

12+

Веретено судьбы

Валерий Капранов

Веретено Судьбы. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056980

SelfPub; 2022

Аннотация

Она хотела стать знаменитой художницей граффити, такой как Бэнкси. А вместо этого стала начинающей волшебницей, встретила говорящего кота и оказалась свидетельницей похищения всемирного масштаба. Попытка помешать преступлению приводит её в потусторонний мир, где ей предстоит пройти суровые испытания и придётся принимать трудные решения, к которым она не была готова. Самым сложным из них становится нелёгкий выбор: что важнее, крепкие узы дружбы или человеческая жизнь?

Содержание

Аня и Анна	4
Невидимый символ тайной печати	11
Никакого фарфора и серебра	32
Сияние с книжной полки	49
Профессор Перовский и пример с двумя монетами	64
Ведьмы и проводники	101
Настоящий говорящий кот	111
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Валерий Капранов

Веретено Судьбы. Книга 1

Аня и Анна

– Привет! Меня зовут, Аня! Это мой первый блог. (смайлик и два сердечка)

Я начинающий блогер. Я понимаю, что для того, чтобы стать популярным блогером, нужно много работать над собой. Но я верю в себя, и я постараюсь чтоб вам было интересно просматривать мои сообщения.

Сегодня меня приняли в художественную студию. Теперь я буду там учиться. И, может быть, когда-нибудь стану настоящим художником. Я обожаю граффити. Я просто фанатка Бэнкси. И может быть, когда-нибудь мои работы тоже будут такими же популярными, и я тоже стану знаменитостью. (Прошла уже целая неделя и ни одного лайка)

– Анна Андреевна!.. А у меня здесь растеклась клякса, – в голосе Кирилла прозвучали нотки разочарования и досады. Преподаватель живописи Анна подошла к его мольберту.

Простите меня за фамильярность, но я говорю Анна, не потому что я не признаю её авторитет, или не проявляю к ней

должного уважения, просто на это есть особе причины и мне так удобно вести рассказ – об этих причинах я сообщу вам немного позже. К тому же мы с ней похожи. Мы обе рыжие. И у нас у обеих веснушки и носы с небольшой горбинкой. И вообще, мы так поразительно похожи, что если бы я была посторонним человеком, то точно подумала, что Анна – это моя старшая сестра. Поэтому, для удобства повествования я буду называть её Анной, хотя в классе, в присутствии учеников, как и положено – я, как и все называю ее Анной Андреевной. Но для вас, в нашей истории, она будет просто Анна. Она Анна и я Анна. Ой... я что-то запуталась. Ну, в общем, вы меня поняли. Она – это Анна, а я Аня.

Анна подошла к мольберту Кирилла и без намёка на раздражение, – спокойная как дрейфующий айсберг, который пробил корпус Титаника, – посмотрела на его мазню. Я говорю мазню, не потому что я уже состоявшийся и выдающийся художник, или искушенный в искусстве дипломированный критик, просто за свой недолгий век, я уже успела повидать не мало картин на разных выставках в картинных галереях и в художественных музеях, – поэтому мне есть с чем сравнивать – и я считаю, что на этот счёт уже могу иметь собственное мнение.

У нас сегодня первый урок живописи. Перед ним было два урока – урок Истории Искусств и ещё один урок графики. Так, что, кое в чём в области изобразительного искусства я уже разбираюсь.

На этом первом уроке живописи Анна показала нам, как смешивать акварельные краски на палитре. И теперь мы пишем свой первый натюрморт *a la nature!* – извините меня за мой французский.

Когда я увидела мазню Кирилла, то едва сдержалась, чтобы не захохотать. Но, в отличии от меня, Анна оказалась более сдержанной и благосклонной. Она не стала критиковать ученика, а как опытный и мудрый педагог похвалила его и успокоила:

– Ну что же, скажу я вам, молодой человек. Для первого раза весьма недурно. Очень, даже, шарман.

Анна приложила указательный палец к щеке, и прищурив один глаз, посмотрела на экспозицию с натюрмортом, а потом снова на мазню Кирилла.

– А вы, сударь, случаем, не поклонник Клода Моне? Если бы я вас не знала, то точно, подумала бы, что вы один из его учеников.

– Правда? – Кирилл с искренним удивлением посмотрел на своё творение. Он напряжённо старался найти в нём нечто уникальное и гениальное. – Ну надо же... А чо и в правду, шарман?

– Шарман, шарман, Кирюша. И даже, манефик, – Анна сделала восторженную мину и подбодрила Кирилла. – Если будешь и дальше в своих работах развивать эту стилистику, то глядишь, кто знает, может тогда и далеко пойдёшь. Главное, не стесняйся себя выражать и не комплексуй. Если бу-

десь стараться, то тогда...

Тут Анна окинула взглядом мольберты остальных учеников и с изумлением остановилась на моём. Секунду спустя она поменялась в лице. Я заметила на ее лице недоумение.

– Что, тогда? – вывел её из ступора вопрос Кирилла.

– Тогда?.. – осознав, что она потеряла нить разговора, Анна растерянно посмотрела на Кирилла.

По всему ее виду было заметно, что мысленно она была не здесь – её внимание было занято чем-то другим.

– Тогда... – отстранённо, будто ведя диалог сама с собой, Анна направилась к моему мольберту. – Тогда...

И тут она, ко всеобщему изумлению неожиданно продекламировала четверостишие Пушкина:

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут

и свобода Вас примет радостно у входа,

И братья меч вам отдадут.

– Ух, ты... – глаза Кирилла засияли надеждой и восторгом.

Наверное, он подумал, что среди людей искусства в такой манере принято выражать комплименты. Он встал в выразительную позу и как маститый художник погрузился в глубокомысленное созерцание своего без пяти минут шедеврального творения.

Но, Анна его уже не слышала. Она подошла ко мне, смерила меня пытливым взглядом – как будто я не пришла не час назад, а только что материализовалась в её классе, – оценила меня с головы до ног и снова уставилась на мою работу.

– Аня Жаворонкова... – задумчиво произнесла она.

Я даже не поняла, эти слова были сказаны с вопросительной или с утвердительной интонацией.

– Да, – ответила я и поднялась со стула, так как смотреть на неё снизу вверх и отвечать ей, мне было не совсем удобно.

– Аня Жаворонкова, – повторила Анна и ткнула пальцем на мою работу. – Это ты сама написала?

Я посмотрела на листок бумаги со свежими мазками, сверилась с натюрмортом, выставленным на экспозиции, и ответила:

– Ну, да. Анна Андреевна. Разумеется, я написала это сама.

Я повернулась к классу и посмотрела на остальных учеников. Они с головой погрузились в творческий процесс, скрупулёзно смешивали краски на палитрах, отмечали пальцем отрезки на кончике кисти, и проверяли на сколько им удалось перенести на свои листы пропорции предметов. На меня и Анну никто не обращал внимания.

– А что вас смущает? – спросила я Анну, которая видно ожидала от меня более подробного ответа. – Натюрморт акварелью – это вам не контрольная по алгебре. Его у соседа не перепишешь.

– Да, не спишешь, тут ты права, – как-то загадочно и задумчиво произнесла Анна. – Будь добра, Анечка, задержись-ка на пару минут после урока.

Сказав это, она направилась к своему столу, села и отрешенно уставилась в окно. Со стороны было заметно, что на самом деле она никуда не смотрит. Точнее, может быть куда-то и смотрит, но только не фокусирует ни на чём внимания. В этот момент мне показалось, что она выглядит обескураженной и растерянной. Ну, может быть не растерянной... Но, всё равно, какой-то не такой...

Я догадалась. Наверняка, это как-то связано с моей работой. Чтобы развеять сомнения, я еще раз внимательно посмотрела на свой мольберт. Не могу понять в чём причина. Схожесть с предметами, выставленными на экспозиции, присутствует. Пусть не фотографическая, но тем не менее всё же, очень близкая. Сразу чувствуется, что не даром прошли школьные уроки рисования. Да ещё и Стас внёс свою лепту в моё художественное образование. Стас – это мой старший брат. Он у нас дизайнер. И не просто дизайнер. А дизайнер по интерьерам. Мама говорит, что и наш прадедушка в свою бытность очень здорово рисовал. Хотя, был по профессии плотником и работал в артели с необразованными мужиками. Так что, склонность к искусствам – это у нас семейное. Получается, что у нас династия художников.

Конечно, если сравнивать мою работу с работой Кирилла Зимина, то это будут две совсем разные работы. У него Анна

увидела манеру передачи образов, как у какого-то там Клода Моне. Кстати, нужно будет погуглить и посмотреть, что это за птица. Может он действительно был гением и мне найдётся чему у него чему поучиться. С Кириллом-то всё понятно. А вот, как насчёт меня?..

Интересно, на шедевры какого известного художника похожа моя работа? Пока, я точно еще не уверена. Но всё же – это определённо не Бэнкси. До его высот мне ещё расти и расти. Да и мастерство граффити оттачивается не на студийных натюрмортах. И как мне кажется, не на уроках живописи... Тут нужен размах помасштабнее. Небоскрёб там какой или Великая Китайская Стена. Ну ничего, какие ещё мои годы. Вот выучусь, дорасту, наберусь опыта, а потом весь мир узнает о моих талантах.

Невидимый символ тайной печати

Полёт моих мыслей прервал дребезжащий звонок на перемену. Он возвестил об окончании занятий. Ребята засуетились и принялись тут же быстро собираться. Все сразу начали промывать кисти, закручивать тюбики с красками, вытирать и упаковывать палитры.

– Так, работы с мольбертов не открепляйте, – всех предупредила Анна. – Пусть краски высохнут. Я их потом сама сниму, оценю и выдам вам на следующем занятии. Вот тогда и похвастаетесь дома родителям и близким своими первыми картинами.

Судя по весёлому шуму и гаму, учеников это уже не особо интересовало. Каждый спешил по своим делам – кто-то в кино, кто-то к компьютерным играм, а кто-то на тренировку...

– Ребята, запомните, следующее наше занятие будет проходить в парке, – вдогонку детям крикнула Анна, пока те еще не успели выбежать из класса. – Будем писать природу с натуры. Так что одевайтесь потеплее. Кстати, Аня Жаворонкова, а ты не забудь подойти ко мне.

Поскольку мне теперь торопиться было незачем, я принялась неспеша складывать свои художественные принадлежности в рюкзак. После чего дождалась, когда последний ученик выйдет из класса, и с надеждой на похвалу, распираемая любопытством, подошла к не сводящей с меня взгляда Анне.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать, деточка? – спросила Анна, глядя на меня в упор и покручивая в пальцах гра-
ненный карандаш.

– А о чем я должна рассказать? – мне показалось, что она хочет меня в чём-то уличить.

– Ну как, о чём? О том, что ты изобразила на своей рабо-
те, – она внимательно изучала мою реакцию.

– Ну... – я растерялась, так как до сих пор не понимала, какого рода признания она от меня добивается.

В глубине души я надеялась, что Анна подспудно намекает на некую гениальность моего таланта. И тогда я решила выпендриться – а что, вдруг и в правду, во мне что-то такое есть.

– Ну... я, конечно, еще не знакома с великими и имени-
тыми мастерами живописи. И честное слово, не знаю кто та-
кой, этот ваш Клод Моне. Но, мне кажется, что вы намекаете
на кого-то, чьи картины могли бы меня вдохновить. И чью
технику я пытаюсь перенять...

– Аня, девочка моя. Ты о чём? – брови Анны взметнулись,
и на её лице появилась обворожительная, приятная улыбка.
– Если ты про Кирилла, то не бери в голову. Мальчик
просто размазал краски на листе, а я его успокоила. В первый
раз такое бывает со многими. И в этом нет ничего страш-
ного. Как говорится – первый блин комом. Главное сделать
первый шаг, и не испугаться трудностей. А дальше терпение
и трудолюбие, рано или поздно, дадут результат. И это про-

изойдет обязательно, так что можешь не сомневаться. Но тебе не стоит ему об этом говорить. Ты взрослая девочка. И пусть это так и останется нашим с тобой секретом.

– Хорошо, Анна Андреевна. Я вас поняла.

Секрет, так секрет. Одним больше – одним меньше. Знаете, сколько у меня этих таких секретов..., да вы себе даже представить не можете, сколько. И если бы каждый из них стоил хоть одну копейку, то я давно бы уже стала миллионершей. Правда большую часть из них я уже давным-давно позабыла.

– А теперь давай, опять вернёмся к моему вопросу, – в тоне Анны прозвучали нотки настойчивости. – Ты можешь мне объяснить, почему ты это написала?

– Я вас не понимаю, Анна Андреевна, – я действительно не поняла, что не так было с моей работой. – Было дано задание, написать акварелью натюрморт. Как смешивать краски, чтобы получить нужные цвета и оттенки вы нам объяснили. А понятия тень-полутень, обещали объяснить на следующих занятиях. Я старалась, честно и даже очень. Как по мне, на мой взгляд, то я отразила в работе все детали. Да вы посмотрите сами... Вроде, ничего не упустила.

– Ни-че-го... – с разочарованием, и с какой-то озабоченностью повторила Анна. – В том то и дело, что ничего.

Она подвела меня к моему мольберту. После чего придвинула к нему, слева и справа, два других, над которыми трудились мои соседи по классу. Слева, это была работа Маши

Разумовской, а справа еще не высохший натюрморт Шурика Абрамова. Что Машу, что Шурика я знаю давно. Мы с ними вместе ходили еще в садик в одну группу. На всех трёх мольбертах предметы экспозиции были одни и те же – крынка, миска с тремя парафиновыми яблоками, а фоном для них служила холщевая драпировка. Что же касается точности передачи деталей, то работа Маши, на мой взгляд, была более правильной и безупречной. По сравнению с ней моя была, если честно, то так себе. На троечку. Но зато, между прочим, с твёрдым плюсом. Ну а про Шурика, то тут я вообще молчу. Как я уже упоминала, – я не знаю кто такой Клод Моне – но зато картины Пабло Пикассо я точно видела. Так вот, между нами, этому Пабло, у нашего Шурика было ещё учиться и учиться. Тут даже чёрный квадрат Малевича нервно отдыхает.

– Ну что, теперь, видишь? – спросила Анна, с нотками некой таинственности и торжественности.

– Вижу, что? – я всё равно ничего не поняла. – Хотите сказать, что я абсолютная бездарность и вы поэтому зря тратите на меня своё время?

– Да нет же Анечка, – Анна недоумевала оттого, что я её не понимаю. – Причём тут твои способности. Не переживай. В этом плане у тебя всё в порядке. И у тебя, как у начинающей художницы вполне хорошие задатки. Если с тобой ещё хорошенько поработать, то ты сможешь качественно развить свой потенциал. Я сейчас не об этом. Посмотри вниматель-

но на эти две работы и на свою. Ну, не ужели ты ничего не замечаешь?

– Да я смотрю, – иногда в подобных моментах я чувствую себя тупицей. И между прочим, мне это совсем не нравится. – Смотрю, смотрю ... и ничего не могу понять. Лучше скажите прямо, чего вы от меня хотите?

– Чего я хочу? – недоумевает Анна. – Ну хорошо, тогда посмотри сюда. В верхний правый угол.

– А, вы про это, – теперь я поняла о чём идёт речь.

Видно, в отличие от своих одноклассников, я проявила излишнюю внимательность при написании работы. Помимо предметов, расставленных на экспозиции, кроме всего прочего я изобразила витиеватую букву, которая красовалась позади натюрморта на стене. В правом верхнем углу моей работы она была скопирована, один-в-один. Стилизованная буква “А”, обрамлённая виньеткой в форме круга. А круг был похож на венок омелы, – какие вешают на двери под Рождество.

– Ну, да. Я изобразила этот символ, – призналась я. – Вы уж простите, если этого было делать не нужно. Виной тому побочное воспитание моего старшего брата Стаса. Он обычно всегда, когда оценивает мои рисунки, настаивает на том, чтобы я не упускала никаких мелочей. Говорит, что мелочи – это очень важно.

При этом я попыталась спародировать его важный гнусавый тон.

– Это, действительно очень важно, – подтвердила Анна. – Но, ответь мне Аня, как ты смогла его увидеть.

– Увидеть, что? – удивилась я.

– Увидеть этот символ, – пояснила Анна и указала на стену, на которой он был изображён.

– Что значит, как я смогла его увидеть. – я не понимаю, она меня что за дурочку держит или это какой-то розыгрыш. – Анна Андреевна, ну вот же он. Символ как символ. С красивенькими такими завитушками.

В пустом коридоре послышались чьи-то шаги. И тут по лицу Анны я поняла, что она уже что-то придумала.

Она уверенным шагом подошла к двери. Выглянула. И к кому-то вежливо обратилась:

– Зоя Степановна, здравствуйте! Как замечательно что вы случайно оказались здесь. Не могли бы заглянуть к нам на одну минутку.

В класс зашла пожилая женщина. Я её сразу узнала. Это была вахтёрша. Она обычно сидит внизу на входе в Центр Юношеского Творчества и пристально следит за всеми входящими и выходящими. С особой ревностью она относится к следам на тщательно вымытом полу, которые нерадивые ученики на нем оставляют, если не пользуются сменной обувью. Полагаю, в ее обязанности входит поддержание чистоты и порядка в этом заведении.

– Здравствуйте, Анна Андреевна, – произнесла она сухим административным тоном. – У вас тут что-то случилось?

Зоркий взгляд блюстителя порядка оценил меня, как причину возможного вероятного происшествия.

– Нет, у нас ничего не случилось, – поспешила успокоить ее Анна. – Просто мы с Аней планируем новую экспозицию. Нам нужно мнение независимого эксперта.

При слове «эксперта» в глазах Зои Степановны появился торжественный блеск. Её плечи расправились, как у легендарного генерала на военном параде, подбородок вздёрнулся вверх, как будто сейчас ей предстоит вручение очередной награды, из рук не кого-нибудь, а самого министра обороны.

– Да. Вы очень правильно поступили, – на лице Зои Степановны засияла лучезарная улыбка. – Лучшего независимого эксперта в такое время вам не найти. Я готова. Давайте будем начинать эту вашу, как её там, ... экспертизу.

Анна пригласила вахтёршу встать перед тремя мольбертами. Попросила внимательно изучить то, что было изображено на работах учеников и указала на экспозицию.

– Зоя Степановна, вы как независимый эксперт, сообщите нам, что присутствует в этих работах из того, чего в этом помещении на самом деле нет.

– В каком смысле, чего в этом помещении нет? – вдумчиво взглядываясь в натюрморты, перепросила вахтёрша.

– В том смысле, – плавно подвела её к выводу Анна – что есть реальные предметы, а есть элемент творческой фантазии юного художника.

– А, вот вы о чём. – Сообразила Зоя Степановна. – Ну,

это понятно. Вот оно.

И она ткнула пальцем в верхний правый угол моей работы.

– Вот эта финтифлюшка с завитушками. Надо же, какая красивошная. Прямо, глаз не оторвать, – вахтёрша как матёрый искусствовед, отклонила корпус назад, прищурилась и покачала головой из стороны в сторону. – Вот это я понимаю, красота. Хоть и фантазия, а куда красивее чем горшок и миска.

Тут я немного смутилась, но Анна вовремя мне сделала знак, чтобы я случайно не проговорилась.

– Зоя Степановна, посмотрите на стену. А хорошо бы смотрелся этот символ на том месте, где он изображён на рисунке?

Вахтёрша, словно опытный прораб молярной бригады перевела взгляд на стену, сложила из указательных и больших пальцев импровизированную рамку, прищурила глаз и заглянула в получившееся у неё окошко.

– Думаю, что, смотрелся бы хорошо, – торжественно объявила она. – Это я вам как независимый эксперт заявляю.

– Спасибо вам, Зоя Степановна. Вы нам очень помогли, – поблагодарила ее Анна. – А теперь, с вашего позволения, мы продолжим с Аней работу по планированию новой экспозиции.

– Да, чего уж там, – ответила довольная похвалой вахтёрша. – Я всегда рада помочь, когда людям требуется разо-

браться в настоящем искусстве. Вы если что обращайтесь. Я ведь, завсегда. Мне чай не трудно. Почитай уже семь годков, как служу в этом храме лепнины и художеств. Так что кое чего в этом деле понимаю.

И Зоя Степановна с чувством выполненного долго пошла исполнять свои важные и ответственные обязанности.

– Теперь, ты поняла? – убедившись, что вахтёрша уже далеко, спросила меня Анна.

– Поняла, – ответила я. – И что, действительно правда, что этот символ кроме нас вами никто не видит.

– Очень хочется верить, что никто, – озабоченно ответила Анна. – А вот тот факт, что ты его увидела, меня удивил и если честно, порядком озадачил.

– А что это за знак, Анна Андреевна? – теперь меня буквально распирало от любопытства.

– Анечка, сейчас я спешу и у меня нет времени на подобного рода объяснения. Ты давай, собирайся домой. А в следующий раз, когда мы задержимся после уроков, то я тебе все в подробностях расскажу.

До следующей встречи время для меня покажется вечностью. Я терпеливая девочка, но вот только не до такой степени.

– А может быть можно, рассказать сегодня. Ну хотя бы чуть-чуть...

– Аня! Я же сказала, что тороплюсь, – уже более строго сказала Анна. – Потерпи немного и всё узнаешь.

– Да, и вот ещё что, – обратилась она ко мне, когда я была уже в дверях. – Убедительно тебя прошу, о том, что сегодня здесь было, никому ни слова. Это очень важная... Я подчёркиваю «ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ» тайна. И мы с тобой обязаны её держать секрете.

Штайнерхольм – замок у моря

Годом ранее, описываемых событий

В этот осенний день на северном взморье было холодно и сыро. Высоко среди туч, широко расправив крылья, на бреющем полёте над морем летел орёл. Он с надменным презрением взирал свысока на стаю галдящих чаек, снующих в поисках, чем бы поживиться, в мутных, пенных волнах у острых рифов, обдуваемого со всех сторон скалистого побережья.

Что за племя... Ну что за несносная порода.

Где бы они ни появились – у них всегда и везде лишь галдёж и неразбериха. Вечно спорят друг с другом, мечутся туда-сюда, суетятся. Те, что будут из них понаглей, расталкивают своих собратьев и ныряют в пучину с головой. А когда выныривают с рыбой, то тут же уносятся прочь, чтобы не делиться. А те из них, которые менее удачливые и кому не повезло с добычей, верещат благим матом им вслед и опять присоединяется к остальным. Так обычно ведут себя все неудачники, удел которых – держаться в стаде и ничем не выделяться.

То ли дело орёл. Он птица, совсем другого полёта. Один его только вид преисполнен величия достоинства. Если лев царь зверей, то он как минимум, император среди птиц. А эти жалкие чайки не сгодились бы ему даже в качестве прислуги.

Гордый орлан пронесся над стаей этих никчемных попрошайек и взмыл в небеса, не удостоив их даже толикой царственного внимания. Он уносился прочь. Сегодня ему не до них. У него есть дела куда поважней, чем наблюдать за делёжкой непойманной добычи. Рудра – так его звали, следовал верным курсом за своим другом. Он словно тень сопровождал его везде. А в этот день, помимо всех прочих обычных дел, ему еще предстояло осмотреть окрестности, чтобы доподлинно убедиться, что им ничего не угрожает на новом месте.

Холодный промозглый воздух рассекали ледяные капли. Они больно жалили, когда попадали на неприкрытое капюшоном или воротником лицо. Студёный ветер, гонимый с моря, задувал с такой силой, что не давал дышать. Слова, что слетали с языка, зачатую едва долетали до собеседника. А если и долетали, то тут же уносились ветром в даль – в то серое никуда, где их больше никто не услышит.

В такую погоду зябко, отчего хочется поскорей в тепло. Опустевшую бухту заволокло сырым, густым туманом, который проник везде, где только можно было заполнить пространство. Он накрыл побережье и стелился теперь по гор-

ным склонам, просочился сквозь старую ржавую изгородь, просоленной бризами крепостной стены и минуя портовой причал, устремился в маленький городской парк, над которым завис, не оставляя нигде ни одного просвета.

Далеко-далеко, где серое небо соприкасается с вздымающимися бурунами волн, где горизонт ускользает из поля зрения, сколько в него ни всматривайся, из сурового небытия выходит буря, которая в ярости все сметает на своем пути. В старину моряки такую погоду считали проклятой и опасной. В такие дни, чтобы не рисковать они никогда не выходили в море. Пережидали неистовство бури на берегу, травили байки в таверне и запивали их горьким элем. А кое-кто в одиночку предпочитал посидеть у теплого очага, уединившись там с трубкой и с кружкой бодрящего горячего грога. Но это было сто лет назад, а сейчас...

... полчаса назад, черный блестящий ренджровер привез их сюда из далёкого монастырского приюта.

И пока прислуга в замке занималась распаковкой багажа и подготовкой покоев для вновь прибывших посетителей, они решили, несмотря на непогоду, прогуляться по истерзанному штормом побережью – пожилой человек, с выправкой отставного офицера и манерами аристократа старой закалки и два юноши, белокурые близнецы с лицами ангелочков, и глазами с оттенком серо-лилового аметиста.

После серых, облезлых стен монастырского приюта, теперь их новым – но все же лишь временным пристанищем-

стал старинный средневековый замок, отреставрированный в полном соответствии с временем того века, когда он был основан и напичканный до отказа современной техникой – от следящих отовсюду камер до автоматических ворот, кондиционеров, интернета, спутниковой связи и микроволновок .

Он стоял у моря на выступе каменной скалы. Со всех четырех сторон его омывали волны. Воздвигнутый с незапамятных времен монахами Ордена тайных каменщиков. По их первоначальному замыслу замок должен был являть собой неприступную цитадель. Архитекторы Ордена были весьма предусмотрительны, когда для закладки фундамента на всем побережье выбрали именно это место. По их замыслу корабли, что могли подойти к нему с моря, должны были встретить высокие стены неприступной крепости, а острые скалы, под толщей воды, не позволили бы им к нему причалить. Сообщение с берегом, было возможно только посредством двух мостов, которые в стратегических целях находились друг от друга на почтительном расстоянии. Один из мостов пешеходный – небольшой и открытый с тесанными деревянными перилами. А второй – более массивный – на толстых каменных сваях имел навес с крытой глиняной черепицей крышей. Вот по нему-то и ездили конники и тяжёлые повозки, чтобы снабжать тех, кто находился в замке, необходимой утварью и продовольствием.

Сегодня же в наше время по необходимости по нему ез-

дят автомобили, когда членам Ордена нужно что-нибудь или кого-нибудь доставить в замок.

С точки зрения оборонной стратегии замок был спроектирован очень выгодно. Большая часть его постройки возвышается на скале над морем, что в свое время позволило избежать лишних затрат по выкапыванию защитного рва, а в случае нападения, обеспечивало неприятелю серьезные трудности. В случае необходимости пешеходный мост быстро разбирался, а его соединительная перемычка с берегом, благодаря механизмам, на цепях по лебёдкам поднималась вверх. Входные ворота, окованные толстым железом, наглухо затворялись. А в притвор опускалась решётка с острыми кольями из массивных дубовых брусьев.

По выбоинам и по грозным отметинам шербатых стен, было заметно, что этот замок за века смог пережить уже не одну осаду. Высокие башни с узкими бойницами говорили с гордостью сами за себя. За всю историю этот замок так ни разу и не сдался на милость неприятелю. Его прочные стены уберегли от врагов своих защитников и сохранили жизни сотням горожан. В то время как близлежащие окрестные деревеньки были преданы разграблению и разорению. Да, страшные были времена – сегодня в Европе куда спокойней.

– Милорд, а нельзя ли нам вернуться обратно в замок? – спросил юноша, съжившись от холодного мокрого бриза и спрятав лицо за поднятым воротником. – Здесь так ветрено и холодно, а сырость такая, что пробирает прямо до костей.

– Терпение, мой юный друг, – ответил ему барон, – терпение...

По нему было видно, что разыгравшаяся на побережье непогода, не вызывает у него никаких неудобств. Несмотря на немолодой возраст, барон был ещё весьма крепок и полон сил. В осанке, в манерах, в чертах лица – во всём его естестве чувствовалась сила мужского характера и негибкая воля.

Он неторопливо ступал по сырому гравию, и каждый шаг его начищенных до блеска ботинок был настолько тверд и безупречен, что казалось, если взять линейку и измерить расстояние между его шагами, то оно будет выдержанно до миллиметра.

– Жан, мой юный друг, когда ты сетуешь на ветер и пронизывающий тебя холод, – произнес пожилой барон, – то ты признаёшься в том, что ты слаб, и изнежен как ребёнок. Мальчику твоего возраста за такое поведение должно быть стыдно. Пора уже поменять привычки и стать похожим на настоящего мужчину. Прекрати вести себя, как девчонка, и докажи, что у тебя тоже есть воля.

Несмотря на внешнюю черствость и суровость, барон Людвиг фон Эффенбах, был по отношению к этому юноше весьма терпелив и снисходителен. Что с него взять, думал он, ведь ребёнок – он и есть ребёнок. Но потакать его слабостям он не станет. Ничего, немного терпения и всё образуется. Потом еще сам будет его благодарить за то, что барон сделал его мужчиной.

Людвиг стоял у кромки берега и смотрел на волнующийся прибой. Ему нравилось наблюдать за тем, как пенные волны терзают каменистый берег. Они словно псы набрасывались на него, как на желанную добычу, и с ключьями пены, в пылу азарта вгрызались в его неприступную, выдубленную солеными ветрами плоть. В предчувствии бури их кураж нарастал и распался охоту. Вот она – страсть разбушевавшейся стихии. Люди рождаются и уходят, им на смену приходят новые поколения, а морские волны и каменистый берег, как и тогда всё те же. И борьба между сушей и морем будет вечной.

– Я вижу, что ветер и брызги тебе не приносят удовольствия. Но все же прогулки в такое ненастье полезны и в некотором роде даже необходимы. Они закаляют и воспитывают настоящий мужской характер, – капли дождя окропляли блестящую лысину барона, стекали по гладковыбритым щеками и исчезали в его аккуратно подстриженной седой бороде эспаньолке. – А характер, мой мальчик – это самое главное, что есть у мужчины. Ничто, ни деньги, ни связи, ни знатное происхождение, его не заменят. И если у мужчины есть твердый характер, то тогда он сможет всего достичь. А если характера нет, то такой мужчина никому не интересен. Без характера – это уже не мужчина, а так, половая тряпка. Как правило, тряпки, используют и потом выбрасывают за ненадобностью. Подумай над этим на досуге, и реши для себя, кем ты хочешь быть.

После этих слов барон направился ко второму мальчику. Близнец – его звали Жак – закусил край поднятого воротника, засунул руки поглубже в карманы куртки, и дрожа на сыром ветру, старался не подавать виду, что ему тоже холодно и не комфортно от промозглой сырости. И хоть ему было так же зябко, как и его брату Жану, он в отличие от него стойко держался и прилагал все усилия, чтобы не огорчить барона.

– Посмотри на брата, – указал на него Людвиг Жану. И чтобы того поощрить, он по-отечески обнял Жака. – Видишь, Жан, ведь ему, между прочим, тоже холодно. Но парень держится молодцом и не хнычет. Он понимает, что рано или поздно это всё пройдёт. Проявляет терпение, мужество и ждёт. Вот именно так и воспитывается мужской характер. Советую тебе сделать вывод и в дальнейшем брать с него пример.

– Хорошо, милорд, я все понял. Я буду стараться, – покорно ответил Жан и без обиды посмотрел на брата. Он всем сердцем любил его, и это чувство у них было взаимно. Они с Жаком были не просто братья-близнецы, как два единокровных родственника. Они вдвоём были единым целым и не представляли себе жизни друг без друга.

– Ручаюсь вам, – поддержал своего брата Жак, – он не подведёт.

– Я знаю, – барону, даже не требовалось этого говорить. Этот человек, был сама уверенность. Он никогда не ничего сделает, если не просчитает все свои действия на несколько

ходов вперед. И почти всегда добивался желаемого. – Именно поэтому из многих кандидатов из монастырских школ и приютов я выбрал именно вас. Так что помните об этом. Вам выпал один шанс из сотни. Вот и используйте его, на все «сто».

Барон про себя улыбнулся, ведь он в очередной раз добился своей цели. Первый урок мальчиками был усвоен. Пример воспитания характера очень удачно совпал с непогодой и был весьма уместен. Теперь можно было возвращаться в замок – пока мальчики и в правду не продрогли до самых косточек. Испытание-испытанием, но чувство меры нужно иметь во всём. И тут главное выбрать момент и не перегнуть палку. Благо барон хорошо разбирался в психологии и физиологии – он понимал пределы возможностей юношеского организма.

Вечерело. Наступило время сумерек. Небо затянуло чёрными тучами. Буря не утихала, а наоборот, усилилась. Неуёмные волны разбушевались и разыгрались в настоящий шторм. Ещё недавно они накатывали на скалистый берег ровными, стройными рядами, а теперь, отдельные из них стали вырываться из общей массы, они поднимались на несколько метров ввысь, и стремительно обрушивались вниз, подминая под себя красные шары бுவев, и извергали на берег спутанные обрывки рыбацких сетей. Такие волны опасны и непредсказуемы. Они способны смести всё на своём пути.

Барон с близнецами прошли по пешеходному мостику, закрываясь от ветра – ребятам едва хватало сил, чтобы сохранить равновесие и не соскользнуть с него в бушующую пучину. Они крепко цеплялись за поручни и с трудом переставляли ноги. Ураган растрепал их одежду и с каждым новым порывом ветра норовил опрокинуть их навзничь. Зато Людвиг в отличие от мальчиков чувствовал себя отлично. Он как ни в чём небывало, был расслаблен и раскрепощён. Со стороны могло показаться, что разбушевавшаяся стихия не имела над ним своей власти и только попусту переводила силы.

Они остановились возле небольшой и едва заметной ниши в каменной крепостной стене. Двускатный навес над входом напомнил мальчикам вход в кроличью нору из сказки про Вини Пуха. Барон ухватился за массивное латунное кольцо, вмонтированное в полотно окованной железом двери и настойчиво им постучал три раза. Дубовая дверь перед ним тут же распахнулась и в тёмном проёме показалась долговязая фигура – в мокром дождевике, с наброшенным на голову капюшоном. Человек, что открыл ему дверь – это был привратник. В его правой руке раскачивался фонарь. Он поднес его к посетителям, и мальчики тут же зажмурились от непривычного яркого света. Под надвинутым капюшоном было не видно его лица. Плащ блестел под косыми струями дождевых потоков. Под ногами привратника образовалась лужа – еще немного и вода в ней поднимется до обода его калош. Но он стоял с таким видом, будто не испытывал от этого никаких

неудобств – что-то подсказывало близнецам, что привратник тут уже давно – он мок под дождем и терпеливо дожидался их прихода.

– Добро пожаловать в замок Штайнерхольм, – обратился он к вновь прибывшим гостям почтительно и торжественно. – Юные господа, поторопитесь, а то промокнете.

Близнецы вежливо поздоровались в ответ и едва не в прыжке поспешили под навес, в укрытие. Им хотелось как можно скорей оказаться в замке. Он буквально гипнотизировал их своим величием.

Человек в дождевике посторонился, чтобы их не задеть мокрым дождевиком, повесил фонарь на крюк и учтиво поклонился барону.

– Добро пожаловать в нашу обитель, милорд. Да, давно же вы у нас не были.

– Здравствуй, брат Себастьян, – ответ барона, был сухим и кратким.

Он и привратник оба состояли в братстве – только один относился к разряду слуг, а другой к хозяевам. Несмотря на их разницу в статусах, в манерах Людвига не было и намека на какое-либо неуважение или превосходство. В общении с обслуживающим персоналом замка он всегда выдерживал чёткую дистанцию. Ведь слуги – они для того и существуют, чтобы служить. А иначе традиции братства могут утратить свое значение, веками сложившаяся система выйдет из равновесия, и механизмы этого мира начнут ломаться, что приведет к катастро-

фе и он разрушится.

Жан и Жак, не проронив ни слова, переглянулись. За сегодняшний день это стало для них ещё одним уроком.

Привратник им подал заранее приготовленные плащи-накидки, – и начиная с барона, всем их помог надеть, по очереди. Затем, потянувшись к корзине, из которой торчали три зонта-трости. Но Людвиг его остановил, положив ему руку на мокрое предплечье.

– Не нужно, Себастьян. Это ни к чему. Сильный ветер и дождь всё равно сделают своё дело. Да и от сильных порывов ветра зонты может вывернуть на изнанку. Погнутся спицы...

– Барон подхватил один зонт и повертел его в руке, чтобы полюбоваться тем, как он был ладно сделан. После чего поставил его обратно. – Жалко будет испортить такую вещь. Ведь в двадцать первом веке, таких уже не делают.

Никакого фарфора и серебра

Дворик замка был освещён электрическими фонарями. Отлитые из чугуна, они хорошо сочетались с общей стилистикой архитектурного ансамбля. Но можно было догадаться, что круглые стеклянные плафоны были совсем не ровесниками этим стенам из грубо отесанного средневекового камня. Скорей всего их привезли сюда и установили на заре прошлого – двадцатого века. После эпохи факелов и канделябров, пришла другая – сначала газовая, следом за ней керосиновая, а уже позже их сменила электрическая. С тех пор эволюция принципов освещения остановилась. Менялись формы, дизайн, технологии, но принцип энергии остался тот же.

Гости проследовали за привратником по булыжной мостовой. И вскоре они подошли главному парадному входу, украшенному геральдическими символами на высоких каменных колоннах.

Себастьян, опережая гостей, бодрой походкой поднялся по ступеням, и распахнул перед ними витражные, двустворчатые двери.

Тщательно вытерев ноги о коврик у входа, близнецы переступили порог и сразу же оказались в просторном холле. С высокого потолка помещение холла освещала огромная, потрясающих размеров люстра, с сотней лампочек, выпол-

ненных в форме маленьких свечей и мириадами нитей с гирляндами сверкающих на них подвесок. Глядя на эту красоту, мальчики не могли себе даже представить – сколько же времени и труда может потребоваться для того, чтобы поддерживать эту красоту в ее изумительном блеске и умопомрачительном великолепии.

Прямо напротив них на фронтальной стене висел портрет, размеры которого так же были внушительными и огромными. Его массивная золочёная рама произвела на них неизгладимое впечатление. Портрет вызывал уважение своим размахом, масштабом и величием. От этой картины так и веяло духом рыцарской феодальной власти. На близнецов с высока с портрета взирал какой-то знатный вельможа – уже не молодой, но и ещё совсем не старый, в расшитом парчой камзоле, с массивной герцогской цепью на груди, его пальцы, сжимающие рукоять меча, были унизаны кольцами и перстнями с жемчугами и драгоценными камнями, а голову украшал бархатный берет со страусиными и павлиньими перьями. Возможно, этот суровый и властный господин, когда-то и был хозяином этого замка – и всех необъятных, прилегающих к нему владений.

По левую сторону холла располагался большой камин. Как в случае и с портретом, ребят поразили его размеры. Он представлял собой огромную арку с резными сводами и готическими колоннами, выполненными из полированного мрамора, увитого тонкими розовыми прожилками. В камине

лежали дрова и пылал огонь. Поленья потрескивали и стреляли угольками, поднимая фонтанчики ярко-алых искр.

В помещении холла витали запахи благородных дерева, горящего в камине – может быть бука, а может дуба. Тепло очага согревало и привносило в атмосферу замка чувства благости и умиротворения. Поле сырой и промозглой погоды, которая бушевала там снаружи, вы попадали как будто в другой мир, где мягкая нега покоя и уюта располагала вас к ненавязчивой беседе, за чашечкой кофе со сливками или же сладкого чая с подогретым молоком.

Рядом с камином, на старом ковре, который не впечатлил ребят – потому как был старым, выцветшим и потёртым, и не вписывался в общий интерьер богатого убранства замка, – стояли четыре глубоких кресла, с пухлыми, мягкими подушками и массивными валиками на подлокотниках. Между ними стоял небольшой чайный столик на ажурных ножках с сервировкой, рассчитанной на три персоны.

Высокие своды узких витражных окон до половины скрывали подобранные бронзовыми подхватами портьеры. Помимо основного лестничного марша была еще одна небольшая лесенка, она уходила витой спиралью наверх на балюстраду второго яруса, перила которого обрамляла искусная резьба в форме орнамента из желудей и дубовых листьев.

По стенам холла под штандартами с геральдическими символами были развешены рыцарские щиты, с написанными на них рыцарскими девизами. Везде рядом с ними, ку-

да не кинешь взгляд, висели остроконечные алебарды, скрещенные двуручные мечи, тяжёлые боевые секиры, бердыши и арбалеты.

По углам главной залы стояли манекены в парадных доспехах, отполированных до зеркального блеска. Доспехи были украшены вычурной, золочёной гравировкой либо рельефной искусно выполненной чеканкой. В особенности ребятам понравился один нагрудный панцирь с изображенной на нем сценой охоты на кабанов.

От всего увиденного мальчики были в таком восторге, что даже забыли про то, что замёрзли и вымокли до нитки.

– Шесть лет, Себастьян... – барон повернулся к слуге спиной, чтобы позволить тому снять с себя мокрое пальто.

Его взгляд, словно камера оператора плавно перетекал от одного предмета в интерьере замка к другому – каждый из них пробуждал в нём почти позабытые воспоминания. Не то чтобы Людвиг грустил по прошедшим временам – скорее нет – но всё же если бы он мог вернуть их назад... что ж, он бы был совсем не против. Многое из того, что он совершил, можно было бы сделать иначе – и да, он бы это сделал намного лучше.

Вслед за лёгким осенним пальто, в руках Себастьяна оказалось серое кашне барона – из шерсти альпийских овец, ручной работы и тончайшей выделки. Слуга повесил одежду Людвигу на специальное приспособление, извлеченное им из пенала дубовой гардеробной, и умелыми, ловкими движениями

ями принялся охаживать пальто барона ворсистой щёткой.

– Шесть лет... – повторил снова Людвиг и услышал, как эхо от его слов раздалось из-под высоких сводов холла. – А кажется будто всего один день прошёл. А здесь всё по-прежнему. Так ничего и не изменилось.

– Так точно, милорд, – в голосе Себастьяна прозвучала выработанная с годами покорность.

Жак с Жаном оглянулись на голос слуги и при виде его несколько удивились. Теперь, когда они оказались в освещенном помещении замка, то увидели перед собой совсем другого человека.

Без дождевика с капюшоном, под которым было не разглядеть лица, из безликого, окутанного сумраком привратника Себастьян преобразился в высокого и статного дворецкого. В безупречном чёрном костюме, в белой рубашке с накрахмаленным до хруста воротничком, с шёлковым галстуком цвета спелой сливы, и в белоснежных хлопковых перчатках. На вид ему было лет семьдесят, – а, может, больше. Но, держался он для своего возраста весьма бодро и уверенно.

За годы, проведенные в приходском приюте – практически в полной изоляции от остального мира, – мальчикам не так часто приходилось бывать за высокими монастырскими стенами. Их общение с незнакомыми мирскими людьми можно было охарактеризовать, как поверхностное и эпизодическое. На всех послушников – таких же, как и они сирот, – взрослых служителей церкви – монахов, прислуги и

назначенных муниципалитетом воспитателей, – общим счётом было не более десятка. Те из них, кому перевалило за шестой десяток, по сравнению с Себастьяном – с ним даже рядом не стояли. Близнецам импонировало то достоинство, с которым он держался перед бароном, чей статус в Ордене был безусловно несоизмеримо выше. Но он относился к этому весьма спокойно и даже в общении с мальчиками был уважителен, учтив и сдержан. Словом, дворецкий Себастьян им очень понравился и пришёлся по душе, за что они так же прониклись к нему доверием и уважением.

– Над этим местом, время не имеет власти, – окинув взглядом просторное помещение, Людвиг описал мимолетный жест и переместил свое внимание снова, на чистящего его пальто дворецкого. – Да, и ты, Себастьян, всё такой же... Как этот замок. Не стареешь и не меняешься. Это не комплемент, Себастьян, а просто сухая констатация факта. И не более.

– Вы очень добры, милорд, – Себастьян по-военному щёлкнул каблуками и отвесил короткий поклон, в соответствии с этикетом. – Замок Штайнерхольм, всегда рад своим старым постояльцам. Я могу уточнить: какие будут распоряжения на сегодняшний вечер?

Барон заложил руки за спину и неспешным шагом проследовал к камину. На ходу – голосом в пол тона – он отдал распоряжения:

– Покажи мальчикам их комнату. А после, накорми...

Тут вдруг во внутреннем кармане его пиджака раздался едва уловимый зуммер.

Барон вынул тонкий, плоский телефон, посмотрел на мерцающий экран и пробежался взглядом по строчкам сообщения. При этом он не прервался ни на секунду, и продолжил давать указания сухими, короткими фразами – в той манере, которая присуща некоторым аристократам и высокопоставленным особам, считающим, что их основное призвание заключается в том, чтобы править и повелевать.

– Сегодня вечером всё будет скромно и обыденно. Никакого фарфора и серебра, – Людвиг фон Эффенбах опустил в кресло, которое располагалось ближе остальных к камину, закинул ногу на ногу, поднял руку и принялся любоваться, как отражаются в его перстне языки, пылающего в очаге пламени. – Ужин не нужно сервировать в столовой. Отныне и впредь мальчишки будут есть на кухне. Немного спартанской скромности им не повредит.

– Как прикажете, милорд, – Себастьян поклонился и с одобрением подтвердил. – Там достаточно места, чисто и вполне уютно. И между прочим, даже теплее, чем в трапезной.

Барон никак не отреагировал на его слова. Всем своим видом он демонстрировал, что ему не требовалось его одобрения. Он относился к дворецкому по-хозяйски – как к добротной и хорошей вещи. Которая, вроде не так уж важна, но тем не менее, – без неё, никак.

– После ужина, пусть отправляются спать. На сегодня им хватит впечатлений. С замком, его историей и достопримечательностями я самолично познакомлю их завтра. Да, и вот еще что... У нас ещё сохранились те старые мишени для стрельбы из лука и манекены, оснащенные для фехтования?

– Да, милорд. Они в полном порядке. Сложены вместе с другим снаряжением в оружейной.

– Завтра, достань тогда их и подготовь.

– Будет сделано, милорд, – склонился в поклоне Себастьян.

Несколькими днями ранее, когда барон забрал мальчиков из приюта и оформил над ними опеку, то кроме их содержания он взял на себя еще и заботу об их воспитании и образовании. Уже тогда Людвиг для себя решил, что наряду с обязательными общеобразовательными дисциплинами, неплохо бы было привить им навыки стрельбы, классического фехтования и рукопашного боя. Он считал, что эти качества для ребят будут более важными и необходимыми, чем элементарная и банальная зубрежка. Безусловно, школьные знания им пригодятся и послужат хорошим фундаментом для дальнейшего, высшего, профильного образования, но в отличие от других воинских дисциплин, они не способны будут сделать их мужчинами.

– Вы будете ужинать вместе с мальчиками, или вам следует подавать отдельно? – Себастьян исподволь наблюдал, как ребята шушукаются и смеются, тыча пальцами в свои ис-

кажённые отражения, отзеркаленные в доспехах рыцарского манекена.

– Я не голоден, – Людвиг фон Эффенбах пренебрежительно отмахнулся. – Приготовь-ка мне лучше крепкого чая, с подогретым молоком и парой тостов. Надеюсь, среди твоих запасов отыщется апельсиновый джем?

– Да, милорд.

– Тогда, пару тостов с апельсиновым джемом.

Барон поднялся, расправил складки на пиджаке и направился к лестнице – не к основной, а к той, что вела наверх в левое крыло.

В кабинет или в библиотеку? – наблюдая за ним, подумал Себастьян.

За прошлые годы он хорошо изучил и запомнил привычки Людвига.

Тот повернул налево. Значит – в кабинет. Справа от лестницы располагалась библиотека, а за ней уже спальня, которой пользовался Людвиг во все времена, когда останавливался в этом замке.

Раз он направился в кабинет, то скорее всего будет связываться по тайному каналу с Советом Ордена, а потом после этого до полуночи просидит над отчетами и секретными документами.

Если все так, значит точно, тут затевается что-то важное. Ведь не случайно он появился здесь – спустя шесть долгих лет. Да ещё и с мальчиками сиротами.

Нина, книги и Надежда

*Чудеса там – где в них верят,
и чем больше верят,
тем чаще они встречаются.*

Дени Дидро

Она очень любит это место. Вообще, во всём мире есть всего лишь два места, которые она любит больше всего на свете. Хотя, нет – пожалуй, три... Три места.

Первое – это дом, где по утрам вкусно пахнет мамиными блинчиками. Мама часто готовит их на завтрак, когда провожает её в школу, – а папу на работу.

Второе место – это дача. Она находится далеко за городом, в сосновом лесу возле небольшой быстрой речки. Раньше, пока папа не купил машину, они добирались туда на электричке. Это было не очень удобно, поэтому они ездили на дачу – от случая к случаю. А теперь, когда у них есть автомобиль, они катаются туда каждую неделю. Там так здорово, что к концу выходных не хочется даже уезжать обратно.

Она любит свой домик с верандой, где можно устроиться с книжкой в плетёном кресле. И свою уютную крохотную комнату на втором этаже. В этой комнате есть всё самое необходимое: старая деревянная кровать, пуховые подушки с рюшами, лоскутное одеяло, – которое ей сшила бабушка, – письменный стол, допотопный маленький телевизор и видик. Про такую технику, наверное, уже давно забы-

ли, но ей нравится пересматривать на нём любимые мультики и кинофильмы, запавшие в душу с далекого раннего детства.

В углу у двери папа поставил огромный кованный сундук, доставшийся им в наследство от прежних хозяев, у которых они купили эту дачу. Теперь, в нём хранятся игрушки, которые прошлым летом она привезли сюда из дома. Большую часть из них она раздарила соседским ребятишкам. А самые-самые, с которыми так не хотелось расставаться, теперь обитают здесь – в этом сундуке. Иногда она их достаёт из него и подолгу с ними разговаривает. Интересуется, как им здесь живётся в её отсутствие, – а в ответ рассказывает о себе. О своих надеждах, тайных желаниях и достижениях. Игрушки из детства – самые верные друзья – они лучше всех тебя понимают, и как никто умеют хранить тайны.

А ещё в её комнате стоит старинный книжный шкаф – это кладёзь части её самых дорогих сокровищ. Почему, только части? Потому что основной «алмазный фонд» хранится дома. Дома у неё столько книг, что вам даже и не снилось. То, что было можно, она уже давным-давно прочитала. А некоторые из книг, даже не по одному разу. Есть ещё взрослые книги, но до них ещё нужно дорасти. Но есть ещё книги, которые хочется прочитать, но дома их нет. Возникает резонный вопрос: где же тогда их взять? А я вам отвечу: есть такое место...

И вот она здесь – в этом, третьем её любимом месте. До-

гадываешься, что это за место? Правильно – это детская библиотека.

Первый раз её привела сюда мама – несколько лет назад. Точнее, наоборот – это она привела сюда маму. А началось всё с того, что однажды на даче, Нине (так зовут эту девочку) попался на одной из видеокассет мультфильм «Волшебник Изумрудного Города». Он ей так понравился, что она пересматривала его столько раз, пока плёнка в кассете в конец не рассыпалась от старости.

А потом, совершенно случайно, одноклассница Ленка поведала ей про то, что, когда на каникулах, они с родителями гостили у её тётки в Минске, то, на книжной полке она заметила одну книгу, с точно таким же названием и потрясающими картинками. Вот тогда это всё и случилось. Услышав о книге, Нина больше не могла ни есть, ни спать. Она не находила себе покоя, и была уверена, что ей во что бы то ни стало, нужно было обязательно найти эту книгу.

Она просила родителей разыскать её и купить. Они искали её в книжных лавках и на букинистических развалах – пересмотрели даже все известные им интернет-магазины. Но, как на зло, нигде этой книги не было. Судьба, видно решила над ней посмеяться и захотела испытать её на прочность – проверить, насколько сильно Нинино желание.

Когда все попытки не увенчались успехом, ей оставалось одно – попытать счастья в детской библиотеке. И Нина уговорила маму, чтобы та привела её сюда и помогла оформить

абонемент. С тех пор Нина здесь почти что поселилась. Всякий раз её тянет сюда, как магнитом. Библиотека ей заменила всё. Ей не нужно теперь ни кинотеатров, ни аттракционов, ни боулинга, ни катка, ни кафе-мороженого. Ничего. Только здесь – в тишине среди книг – она чувствует себя, словно в своей тарелке.

Библиотека – это и есть её самое сокровенное, тайное и волшебное место. Оказавшись здесь, она бродит по тесным закоулкам стеллажей, как одинокий странник – между домами в загадочном безлюдном городе. Нина, как опытный путешественник разглядывает и изучает названия книг на разноцветных корешках, будто читает таблички и вывески на домах с названиями улиц, салонов и магазинов. На книжных полках, как на ярусах многоэтажек, вместо людей живут книги, а в каждой из них свои герои: весёлые, грустные, добрые и злые... одним из них она симпатизирует, – а другим, не очень.

Кстати, а знаете, кто у Нины самый любимый книжный герой?.. Ну, попробуйте угадать... Нет?.. Не можете? Даже, не пытайтесь. Хоть сто попыток вам дам – всё равно, не угадаете. Сдаётесь?.. То-то же. Ну, да ладно, – так уж и быть – открою вам секрет.

Большинство из девочек, – как это водится, – мечтают стать принцессами, феями, или юными волшебницами, тайными, засекреченными суперагентами или в конце концов, ловкими авантюристками и разбойницами. Но Нина девочка

не такая. Она особенная – девочка загадка.

А всё началось с того самого «Волшебника Изумрудного Города». Когда она впервые увидела, а потом прочитала эту сказку, то ей так понравился Страшила, что она сразу же признала в нём родственную душу. Только не подумайте, что это из-за того, что она якобы страшенькая. Уверяю вас, нет. Нина очень приятная, аккуратная и вполне себе симпатичная. Правда, носит очки – но они её совсем не портят. В них она выглядит даже более интеллигентней и интересней. Такая умненькая-преумненькая, что я даже слов не подберу... Впрочем, минуточку... Вы и сами, скоро в этом убедитесь.

Ну, так вот – Страшила ей понравился за то, что он считал, что ему не хватает знаний. И ради этих самых знаний он был готов отправится в дальний путь – полный опасностей, приключений и самых разных испытаний. Точь-в-точь, как Нина, когда решила найти эту книгу. С тех пор Страшила стал её тайным советником и наставником. Не проходит ни дня, чтобы она про него ни вспомнила или не попросила у него совета. И он ни разу её не подвёл.

Так вот, в этот день Нина, как обычно пришла в библиотеку и погрузилась в поиски новых захватывающих историй. Она бродила среди тесных лабиринтов стеллажей, с той целью, чтобы найти что-нибудь почитать. И словно по тайным знакам, отмеченным на корешках, как на символах в старинной карте, перемещала взгляд от одной полки к другой. Она как будто находилась в мистическом трансе, искала подсказ-

ки и неспешно бродила по закоулкам библиотеки.

Поглощённая поисками, Нина почувствовала, что натолкнулась на какую-то преграду. И тут, её взгляд упёрся в высокую стопку книг. Это было сооружение из толстенных, увесистых томов, которое перед собой держала высокая женщина, с пышной причёской и в модных очках в роговой оправе. Чтобы стопка из фолиантов ненароком не развалилась, дама удерживала её снизу руками, а сверху крепко прижимала подбородком.

– Ой, – Нина догадалась, что женщине, наверное, было очень тяжело, а она, не заметив её, загородила ей проход. – Извините, пожалуйста. Я, наверное, вам мешаю?

Она решила посторониться и тут вспомнила о хороших манерах. Ведь, перед тем как обращаться к взрослым, нормальные и воспитанные девочки в первую очередь должны здороваться. Чтобы не выглядеть невежей, Нина поспешила исправиться и сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, девочка, – ответила женщина. Из-за прижатого к книгам подбородка это прозвучало, как: – Фздрэфстфуй, февфочка.

Женщина показалась ей симпатичной. Нине стало неловко оттого, что она по всей видимости мешает ей выполнять свою работу. Нина видела, как ей тяжело, и она прониклась к ней состраданием.

– Может быть вам помочь? – предложила свои услуги Ни-

на.

– Очень мило с твоей стороны, что ты это предложила, – на лице работницы библиотеки появилась напряжённая улыбка. Её можно было бы назвать приятной, если бы под тяжестью книг, её скулы не были бы сведены от напряжения. – Но иногда лучшая помощь – это не мешать. И будет здорово, если ты уберёшь свой замечательный рюкзак с прохода.

Нина поспешно подхватила оранжевый рюкзак, потянула его к себе и юркнула в сторону от прохода. При этом она случайно зацепила шлейкой рюкзака носок туфли библиотечарши. Этого было достаточно, чтобы с трудом удерживаемое равновесие пошатнулось. Книжный колос закачался. Раздался отчаянный удивлённый вскрик. И тут случилось непоправимое...

Стопка книг накренилась и медленно поползла в сторону. А затем, один за другим, кирпичики «вавилонской башни» стали выпадать, и она начала ломаться и рассыпаться. Нина смотрела на женщину, а та словно в замедленной съёмке силилась обуздать эту книжную лавину. Балансируя на одной ноге, она пыталась остановить падение и спасти хотя бы малую часть томов, которые ещё оставались в её руках. Но стихия лавины была беспощадна и неумолима. Вскоре последняя книга выпала у неё из рук, и женщина рухнула и распласталась на книжной куче.

– Молодец, девочка. Спасибо... Помогла, – библиотечарша села и принялась растирать ушибленное колено.

На месте ушиба зияла дырка в порванных колготках. Колено тут же покраснело. Наверняка будет синяк, про себя подумала Нина. Пышная прическа женщины разметалась и теперь выглядела как разорённое гнездо. Хорошо, хоть очки ещё не разбились – они словно ёлочное украшение повисли на одном ухе. Женщина осторожно поднялась и водрузила их на место. Сохраняя спокойствие, она сказала ровным голосом, исполненным достоинства:

– Даже не представляю, как бы я без тебя управилась.

– Извините. Я не специально, – Нина почувствовала себя неловко. Ей было стыдно за то, что она натворила.

– Я всё понимаю, – в словах библиотекарши не было ни обиды, ни упрёка. – Ладно, проехали. Не переживай. Иногда с людьми происходят такие недоразумения.

– А хотите я вам помогу всё собрать и перенести на место? – Нине очень хотелось загладить свою вину.

– Ты, сейчас это серьёзно? – женщина посмотрела на Нину поверх очков и звонко рассмеялась.

Это смех был таким жизнерадостным и заразительным, что у Нины тоже не хватило сил сдержаться и она залилась вместе с ней громким смехом в унисон.

Вдвоём они быстро разгребли книжные руины и в скором времени перенесли стопки книг на рабочий стол, который находился в дальнем углу библиотеки.

Сияние с книжной полки

В этот неприметный закуток Нина раньше никогда не заходила. Хотя считала, что за все годы, что она ходила в эту библиотеку, она здесь изучила всё – вдоль и поперек.

Этот закуток, как и основное хранилище книг, по которому она обычно бродила часами, тоже был тесно заставлен книжными стеллажами. Только здесь, в этом углу, ощущалась какая-то другая – особенная атмосфера. Она отличалась от той, что царила во всей библиотеке.

Даже запах от книг – он был здесь какой-то другой. Старинный. Нина вспомнила, что примерно так же пахло у её бабушки на чердаке, в старом деревянном двухэтажном домике с резными наличниками на окнах и выступающем из фасада флигелем. Этот дом стоял на тихой улочке, на окраине на другом конце города. Раньше Нина частенько приезжала туда с родителями, когда её бабушка была ещё жива. Там на маленьком тесном чердаке, была особая атмосфера. Там пахло деревом и застарелой пылью. А ещё чем-то таким, чего нельзя описать словами... Возможно, так пахнет время, которое замерло, где-то там в далёком прошлом и его больше не вернуть.

Потёртые стеллажи с застаревшими отметинами – они словно крепостные стены, что возвышались величественно до потолка, излучали покой и мудрость. Вот интересно:

сколько же им лет и сколько книг они повидали за свою жизнь?

Нина бережно пробежалась кончиками пальцев по деревянной полке и почувствовала лёгкое, теплое покалывание в ответ. На секунду ей показалось будто полка в ответ откликнулась на её прикосновение. Она словно ожила и ответила ей взаимностью.

– Выбираешь, что почитать? – поинтересовалась библиотечарша, не отрываясь от работы.

Она изучала начальные страницы книг, и сверяла их номера на штампах, с номерами в компьютерном каталоге. Нина взглянула на женщину и про себя попыталась определить её возраст. На вид библиотекарше было не больше тридцати. Приятная, умная, элегантная. А если судить по её туфлям... – тут Нина вспомнила недавнее событие и почувствовала, что начала краснеть, – ... если судить по туфлям и по стильному тёмно-зелёному платью, то у этой женщины ещё и хороший вкус. Теперь она стала нравиться ей ещё больше.

– А вы здесь работаете недавно? – Нина достала с полки большую книгу с выцветшей, потёртой обложкой, открыла на середине и перелистнула несколько страниц. – Что-то раньше я вас здесь не видела.

– Да, – кивнула та, вбивая новый номер в ячейку таблицы. – Меня перевели сюда недавно. У нас это называется: повышение квалификации, с возможностью расширить кругозор и набраться опыта.

– А где вы раньше работали? – что ни говори, но отсутствием любопытства Нина никогда не отличалась. А иначе, откуда взялась бы вся эта книжная страсть и неуёмная тяга к разным загадочным историям.

– Раньше я работала Большой Центральной Библиотеке, была там научным сотрудником.

– А теперь?

– Теперь?... Теперь я работаю здесь, библиотекарем-каталогизатором.

– Ну да?!.. И какое же это повышение? – Нина поняла, что книга, которую она взяла, ей не интересна. Она захлопнула её и поставила обратно на полку. – Или это я чего-то не понимаю, или же вы что-то недоговариваете.

– А ты догадливая и внимательная девочка, – женщина поменяла книжные стопки местами и опять принялась за сверку учётных номеров. – Про повышение, опыт и кругозор – это идиома.

– Поняла. Значит, по всей видимости, это что-то вроде наказания, – про себя Нина принялась гадать: чего же такого эта интересная женщина могла там натворить, за что её решили перевели из такого почётного места в какую-то малоприметную детскую библиотеку. – Это как с декабристами, которых отправляли в ссылку...

– Точно-точно, девочка. Попала прямо не в бровь, а в глаз, – женщина повторно сверила номер на отвороте книги, сличила с тем, что числился в таблице, и щёлкнула пальца-

ми, довольная тем, что нашла ошибку.

– Ну так и за что вас сослали?

– Да, есть там один козёл. Ой... – она спохватилась и прикрыла ладонью рот. Видно вспомнила, что говорит с ребёнком. – Прости, деточка. Вырвалось непроизвольно. В общем, так уж сложились обстоятельства. Как говорится: обстоятельства непреодолимой силы. И вообще, тебе не говорили, что не совсем вежливо, так настойчиво интересоваться жизнью незнакомого человека.

– Да, вы правы. Давайте знакомиться. Меня зовут, Нина. Нина Куделькина. – На её лице засияла лучезарная улыбка.

– Надежда, – представилась женщина и в ответ тоже улыбнулась. Перед такой улыбкой, как сейчас была у неё, было не то, что трудно устоять, – а шансы на нее не ответить, сводились к нулю. Было в этой улыбке что-то от ведьмы. Она притягивала и завораживала. – Надежда Валерьевна. Очень приятно. Рада нашему знакомству.

– И я, тоже рада, – у Нины словно камень свалился с души. Она была рада, что всё так здорово обернулось – после того нелепого происшествия с падением. Может, оно и к лучшему, что всё так получилось. Ведь не даром же говорят: что не бывает худа без добра.

– А не отметить ли нам наше знакомство, свежесваренным ароматным чаем? – предложила Надежда. – А к нему у меня ещё есть песочное печенье с банановым кремом. Ты как, не против? Ты вообще, как относишься к бананам?..

– Хорошо, – ответила Нина. – Бананы я люблю. Они полезные. В них много железа, цинка, селена, фтора, калия и марганца. И вообще они являются хорошим источником углеводов, и просто незаменимы для путешественников в странах с тропическим климатом. А ещё...

– Так всё, хватит... – Надежда жестом попросила её остановиться. – Ты здесь не на уроке, а я не твой преподаватель. И вообще, мы с тобой будем сейчас пить чай и вести светскую беседу. Доклады, симпозиумы и конференции... побереги для другой аудитории. А у меня сейчас по расписанию обед. Так что, давай не грузи, а лучше поддержи компанию.

Надежда Валерьевна была не из тех, кто обычно зазнаётся и не чуралась общения с теми, кто проявлял к ней интерес. В силу своей профессии она много знала, и при желании могла быть душой любой компании. Но по своей натуре любила побыть наедине с собой, послушать красивую музыку, насладиться природой, или провести тихий вечер дома – под пледом в кресле с любимой книжкой. А что она не любила – так это шумные вечеринки. Вся эта мишура была ей не интересна. Вместо этого, куда приятней было иногда встретиться с подругами и посидеть с ними за чашечкой кофе. Кстати, обе они (имеется в виду подруги) были тоже близки к искусству.

Нина с Надеждой пили чай и вели непринуждённую беседу. Нина рассказывала о своих пристрастиях к книгам – в особенности к сказкам и фантастическим историям. Через них она познавала мир, но не как ребёнок, а как самый на-

стоящий исследователь. Её вера в истинные чудеса занимала в её представлениях о жизни так много места, что она не готова была с ней расстаться и променять на обыденную действительность.

– Сказки, они вроде как не настоящие, но они такие... – тут Нина положила на блюдечко надкусанное печенье, вытерла крошки с губ и направилась к ближайшему стеллажу, – ... такие правильные и такие поучительные. Вот например... – она стала перебирать пальцами корешки книг, стоящих на полке и читать их названия: – ... сказка Пушкина «Руслан и Людмила». Или вот эта: «Пеппи Длинный Чулок» Астрид Линдгрэн. Или эта: «Путешествие в Индию» Алана Милна. Или вот эта...

Внезапно фраза, которую она не договорила, оборвалась. Повисла в пространстве и так там и осталась, недосказанной.

Из недр стеллажа, перед которым она остановилась, исходило мягкое, золотисто-зеленоватое свечение. Книги, которые озарил его ореол, пульсировали от волшебного света. Они словно подсвечивались им изнутри.

Нина смотрела на это явление и не могла поверить своим глазам. Это же чудо!.. Неужели всё это происходит с ней на самом деле?

Больше всех, среди призрачного зеленоватого марева, и клубящихся в воздухе золотых пылинок, выделялся потрёпанный, толстый томик, который стоял среди них посередине.

Нина хотела прочесть название на его корешке, но у неё

ничего не получилось. Сияющие зеленоватыми огоньками, буквы, как змейки, сплетались в затейливые узоры и расползались в стороны. Они так и не давали себя прочесть. Невозможно было сосредоточить взгляд, чтобы поспеть за ними. Смысл прочитанного терялся и ускользал. У неё было ощущение, словно она находится во сне.

Нина почувствовала, что это какое-то наваждение. Затем, не ведая, что делает, она потянулась за этой книгой. Достала её и раскрыла...

– Сто-о-ой! Не открывааай!!... – донеслось до неё, будто из далека.

Предостерегающий окрик Надежды воспринимался таким приглушённым, словно она ей кричала из другого пространства. А сама Нина в это время находилась уже в другой среде. Так бывает, когда ныряешь под воду и слышишь, что где-то там снаружи, что-то такое происходит, но под толщей воды уже, все равно, ничего не разобрать.

Всё случилось внезапно. Надежда опоздала. Книга распахнулась перед Ниной, распираемая от скрытой в ней невероятной силы. Мощный сноп изумрудного света взорвался, как шаровая молния. Он ослепил её и прошёл сквозь неё, как сквозь газовое облако, расширяясь кольцом, от эпицентра. Он как ядерный взрыв, вспыхнул и распростёрся во все уголки вселенной.

Нина почувствовала, как пол ушёл у неё из-под ног. Она потеряла сознание и провалилась в небытие...

Егор, кунг-фу и Ай Ли

– Сосредоточься на цели, почувствуй, как энергия раскручивается по спирали и атакуй. – Мастер Ли внимательно наблюдал за перемещениями и движениями Егора и давал указания, когда это требовалось.

Для своих лет, в физическом плане, мальчик был подтянут и хорошо развит. На вид, слегка худощав – но это обманчивое представление. Просто его упругие и эластичные мышцы не бросались в глаза, как у некоторых атлетически сложенных подростков, – а что касается хорошей растяжки – то, ее можно было заметить только на занятиях, во время тренировок. По весёлому взгляду светло-карих глаза, с задорной, озорной хитринкой, сразу можно понять, что перед вами парнишка-не промах. Жизнерадостный, сообразительный и находчивый.

В десять лет отец записал Егора на борьбу. За полгода занятий мальчик хорошо укрепил мускулатуру. Стал напорист, вынослив и на тренировочных поединках – раз от раза начал одерживать победы над другими, – такими же, как и он сверстниками. Тренер радовался его успехам, часто подбадривал и хвалил. Иногда, даже ставил в пример остальным ребятам.

Егору нравилось заниматься спортом. Возможно, если бы он и дальше продолжал бы в том же духе, то когда-нибудь стал бы олимпийским чемпионом. Но уж так случилось, что однажды на одном из спортивных форумов в интернете, он

увидел одно объявление, в котором писалось об открытии новой школы восточных единоборств. К объявлению прилагалось несколько видеороликов. То, что он увидел настолько его впечатлило, что он решил прийти в эту школу и убедиться во всем самолично.

Клуб, в котором открылась школа единоборств, располагался недалеко от его дома. В тот самый момент Егор решил: что если ему понравится, как проводится тренировка, и его согласятся принять в эту школу в ученики, то это будет хорошим аргументом для того, чтобы убедить отца, чтобы тот дал согласие на его переход из секции по борьбе.

В тот день, когда посетил этот спортивный клуб, он увидел, что в школе занималось всего восемь человек. Поначалу Егора это слегка смутило, ведь он рассчитывал там увидеть народу намного больше. Неужели так мало желающих, кто научиться такому мастерству? Ведь те приемы, которые демонстрировал учитель единоборств на видео, по технике боя были ничуть не хуже, чем приемы в фильмах с участием Джеки Чана.

Егор с интересом наблюдал, как учитель проводил занятие. Он восхищался, как мягко и осторожно, мастер кунг-фу, приехавший из Китая, показывал ученикам особенности техники пушечных ударов. Правда его учениками оказались далеко не юноши, а зрелые и весьма взрослые мужчины. Среди обучающихся бойцов была хрупкая, миниатюрная девочка – судя по виду она была ровесницей Егора. Черноволосая,

с двумя короткими хвостиками, подхваченными ярко-красными резинками. У девочки, как и у мастера, который проводил занятие, был такой же восточный разрез глаз. Егор про себя отметил, что чертами лица девочка походила на учителя. Возможно, это его дочь, подумал тогда Егор – и наверняка, она тоже китаянка.

После занятий Егор набрался смелости и подошёл к учителю. Он уважительно поклонился, поздоровался и сообщил, что хотел бы тоже записаться его в школу.

– Что хороша занятия? – одобрительно закивал китаец и загадочно улыбался. – Хорошая школа. Много трудно, но зато получать хороша результат.

Учитель говорил на таком исковерканном и ломанном русском, что с учётом его грубого азиатского акцента, порой было трудно разобрать отдельные слова. Егору пришлось поднапрячься и включить смекалку. А куда деваться – ведь он очень хотел записаться в эту школу.

– Ты не мочь заниматься. Отчень молода, – заявил учитель. – Нада ещё немнога падрости.

Он показал ему жестом, до какой отметки Егору нужно будет вырасти, чтобы стать таким же, как его остальные взрослые ученики.

– Но у вас же не все такие, – Егор решил не сдаваться. Он цеплялся за любую возможность. – Вон посмотрите, у вас даже девочка в группе есть. Она ведь тоже обучается у вас кунг-фу. И она, между прочим, тоже не такая, как они.

Егор указал учителю на девочку, и жестом отметил, что она была даже ниже его ростом. Как бы подчёркивая, что её невысокий рост не являлся причиной, чтобы это стало для неё запретом. Тем самым он намекал учителю, что уж если тому и придерживаться строгих правил, то тогда неплохо бы было их соблюдать во всём.

– Эта девочка, Ай Ли, она моя дочь, – учитель пальцем указал Егору сначала на девочку, а после на себя. При этом он заявил об этом с такой гордостью, как будто эта милостивая, кареглазая, хрупкая девочка была его самым лучшим достижением. – Ай Ли ходить заниматься, а я передавать ей моё мастерство. Она всё брать, учиться и всё хорошо запоминать. Ай Ли – это важно. Она мой наследник. Наследник школы.

– Очень хорошо, – согласился юноша. И тут у него внезапно родилась идея. – Раз уж она ваш наследник и ей нужно хорошо учиться, то, следовательно, ей нужна пара. Ведь не будет же она заниматься в паре со взрослыми мужчинами.

Идея, конечно, была – так себе. Да и если, кто-нибудь из друзей Егора или из его одноклассников прознает о том, что он занимается в паре с какой-то девчонкой, то его засмеют и будут подтрунивать над ним при любой возможности. Ну и пусть, подумал Егор. Зато – оно того стоит.

Между тем, девочка подошла к отцу. Отвела его в сторону и они стали что-то бурно обсуждать – на своём непонятном для Егора китайском.

Егор наблюдал за ними со стороны и ему стало понятно, что отец по всей видимости возражал, а девочка вопреки его веским аргументам всё равно продолжала настаивать на своём.

После непродолжительного спора учитель всё-таки сдался на уговоры своей дочери, и не скрывая явного пренебрежения вскоре жестом подозвал Егора.

– Ай Ли попросить меня, чтобы я тебя учить. Я не хотеть. Но Ай Ли упряма.

Егор с надеждой и благодарностью посмотрел на девочку. Она смотрела на него и не отводила взгляд. На лице у девочки не проявилось никаких эмоций. В своей безмятежности она была похожа на статуэтку медитирующего Будды. Если бы только что – минутой назад – Егор бы не был свидетелем её спора с отцом, то он бы решил, что Ай Ли и вовсе безразлично его присутствие. Такое её поведение, его заинтересовало. А девочка-то, совсем не проста, как показалось ему в начале.

– Я буду подумать, а после буду смотреть на твоё кунгфу, – сказал, прищурившись мастер Ли Егору. – Тебе приходится учиться, а я смотреть и решать потом, что дальше.

– Спасибо, – Егора буквально распёрло от предвкушения. Как он ни старался скрыть свои радостные эмоции – в отличие от Ай Ли – это ему так и не удалось. Улыбка от уха до уха засияла на его лице. В то время, как Ай Ли по-прежнему оставалась холодна и сдержана.

Мастер Ли ничего больше не сказал. Он выставил перед собой обе руки, соединил их в почтительном жесте. Кулак его правой руки уперся в левую ладонь. Учитель едва заметно поклонился, тем самым давая понять Егору, что на этом их разговор окончен.

Егор, как сумел, повторил то же самое приветствие. Повернулся спиной к учителю и едва не закричал от восторга. От счастья он готов был подпрыгнуть до потолка и сломя голову бежать в припрыжку. Но помня о том, как держала себя в руках Ай Ли, ровным неспешным шагом направился к выходу из зала.

На тренировках настойчивостью и упорством Егор доказал на, насколько сильным было его желание. Тогда Мастер Ли принял решение оставить его в школе и стал учить воинскому искусству. Ай Ли проявила к нему снисходительность и стала для Егора достойным спарринг партнёром. Её ловкости и умениям мог позавидовать любой мальчишка. С первого урока она дала Егору понять, что её мастерство, во много раз превосходит всё то, чему он обучался ранее. Но несмотря на явное превосходство в мастерском владении кунг-фу, она не выставляла эти качества напоказ, а делала это осторожно и деликатно, чтобы не обидеть и не унижить Егора.

За прошедший год он многому научился. Да и мастер Ли тоже преуспел во многом – он стал заметно лучше говорить по-русски. Благодаря чему, его объяснения стали более по-

нятными, и Егора начал открывать в них для себя новый смысл.

Чтобы добиться в кунг-фу хороших результатов, нужно было не только выучить технику разных ударов и приёмов, но и еще овладеть целой системой различных и сложных восточных дисциплин. Например цигун – это такая древняя наука, изучив и, познав которую можно поправить и укрепить здоровье. Она включает в себя знание об энергетических центрах в человеческом организме, и показывает то, как ими можно управлять при помощи различных техник дыхания и несложных физических упражнений. Медитация – позволяет расслабиться, если есть напряжение или настроиться на конкретную задачу. Философия – учит мудрости и уважению. Только так – в совокупности с этими древними знаниями достигается настоящий результат. А без них даже самые уникальные секретные боевые техники никогда не сделают из ученика настоящего воина.

– Не бей по мешку, – мастер Ли остановил Егора и показал ему на примере, как его громкие удары прилипают к тяжёлой боксёрской груше, но не способны при этом нанести никакого вреда противнику. – Ты бьёшь по мешку очень сильно, но это неправильно. Так делают, те кто не знает, как нужно бить.

– А как тогда нужно бить? – Егор вспотел от усердия, но не стал останавливаться, чтобы не сбить дыхания, и продолжал пританцовывать вокруг мешка.

– Нужно бить не по мешку, а в мешок, – учитель показал, каким должен быть его удар. И как не странно, но результат у него оказался совсем другим. – Теперь видишь разницу?..

– Да.

– Ну тогда так и бей. Только помни: не по мешку, а в мешок...

Егор повторил и результат его приятно удивил. Разница оказалось весьма заметной. До этого, когда Егор бил **по мешку**, то энергия его ударов достигала лишь поверхности. Она растекалась по всей площади боксерской груши и тут же угасала. А при ударах **в мешок** – она пушечным снарядами влетала внутрь и пробивала его насквозь – отчего боксёрский мешок содрогался и начинал вибрировать как колокол.

Профессор Перовский и пример с двумя монетами

Обучаясь в школе у мастера Ли, Егор начал постепенно по-другому смотреть на мир. Его успеваемость в школе стала намного лучше. Родители были довольны его успехами. Он стал больше интересоваться отдельными школьными предметами и читать дополнительную литературу. Несмотря на доступность информации в интернете, Егор даже записался в библиотеку. А особенно он заинтересовался историей. Помимо школьной программы, он просматривал тематические научно-популярные программы, штудировал дополнительные материалы, писал рефераты и посещал городские школьные олимпиады по истории.

На одной из таких олимпиад, в качестве приглашённого почетного гостя оказался профессор истории и этнографии Андрей Андреевич Перовский. Выдающийся человек. Он неоднократно участвовал в экспедициях и археологических раскопках, был почётным членом Русского Географического Общества, и регулярно выступал с докладами на международных конференциях и симпозиумах. Андрей Андреевич был очень известен в научных кругах и его то и дело приглашали на телевидение, поучаствовать в качестве уважаемого эксперта во всевозможных передачах, в которых шла речь об

истории и о культуре.

Андрею Андреевичу понравилось, как на олимпиаде выступал Егор, который среди других участников выделялся уверенными знаниями и широким кругозором. По его высказываниям было заметно, что он пришёл на олимпиаду не как отличник, с целью заработать дополнительные баллы, которые были нужны для получения Золотой Медали а, как пытливый юноша, который действительно, очень увлечён историей. После того, как комиссия огласила общие результаты и отметила тройку лучших учеников, в которую так же попал и Егор, пожилой профессор проникся к нему симпатией и изъявил желание с ним познакомиться.

После знакомства выяснилось, что они живут в одном микрорайоне. В масштабах города, можно было сказать, что они были почти соседями. Андрей Андреевич не возражал против того, чтобы Егор иногда его навещал с целью получить у него более развернутую консультацию, по интересующим его вопросам – но как человек занятой, попросил предварительно с ним созваниваться и обязательно согласовывать свои визиты.

Вот и сегодня Егор спешил на такую запланированную встречу. Он забежал домой после тренировки, бросил форму в бельевую корзину, чтобы мама смогла её вечером постирать и бегом бросился переодеваться. Напластал по-быстрому колбасы на бутерброд и, жуя его, между делом, стал укладывать в рюкзак книжки и свою толстую тетрадь с конспек-

тами по изученным темам.

В этот раз они собирались обсудить один из периодов из истории Руси, о котором в школьном учебнике написано очень скудно. В частности – речь должна была пойти о второй половине десятого столетия. Для Егора это было особенно важно и интересно, так как он накануне пытался найти материалы, о жившем в то время князе Владимире Красно Солнышко.

Всю дорогу он думал: какие же вопросы ему следует задать профессору. Ему хотелось извлечь из встречи как можно больше пользы. Огорчало, что времени на беседу будет не очень много – потому, как профессор Перовский человек весьма занятой, и у него у самого дел невпроворот. Просто чудо, что он еще соглашается уделять для Егора хотя бы толику своего внимания.

Выскочив из трамвая, Егор закинул за спину рюкзак, посмотрел на время – отлично, я в графике, значит буду минута в минуту. А точность, как говорится – это вежливость королей. Ускоренным шагом он отмахал пол квартала, занырнул в арочный проём высотки, в которой жил профессор и направился ко второму подъезду.

Набрал код, услышал зуммер домофона... Щёлкнул магнитный замок, и Егор потянул ручку двери на себя. На том конце профессор даже не стал утруждать себя вопросом о том, кто пришёл. Ведь всё и так было ясно – встреча по расписанию.

Двери лифта открылись, и Егор увидел, стоявшего у распахнутой двери Андрея Андреевича. Тот приветливо махнул ему рукой и приглашающим жестом указал, чтобы Егор входил, а сам тут же исчез внутри – видно по какому-то спешному делу.

Разуваясь в прихожей, Егор обратил внимание на его халат. В отличие от отца, который ходил дома в спортивных штанах и в майке, в своём атласном халате профессор выглядел чинно и интеллигентно. Помимо халата на нём была свежая рубашка, а на шее повязан шёлковый платок. Брюки Андрея Андреевича были тщательно отутюжены, а ноги обуты в мягкие тапочки с меховой опушкой. От седых волос профессора и его ухоженной бороды исходил едва уловимый аромат дорогого одеколona.

– Здравствуй, здравствуй, Егор. Ты, как всегда, вовремя, – произнес Перовский, гремя чашками на кухне, откуда повеяло густым ароматом кофе. – Пунктуальность – очень хорошее качество для молодого человека. В нашем мире науки это очень ценится.

– Здравствуйте, Андрей Андреич, – Егор расшаркался на коврике у двери и переступил порог гостиной.

Ему нравилось бывать у профессора дома. Особый восторг вызывал его кабинет, обставленный мебелью из полированного красного дерева, значительно потемневшего от времени. Наверняка этот стол и комод мастерили ещё в прошлом веке. У стены напротив двух окон располагался стили-

зованный под старину камин. Но зачем он был нужен в современной благоустроенной квартире, Егор не понимал. Какой в нём прок, если в многоэтажке его всё равно нельзя топить дровами. Скорей всего, он не настоящий – это как холст с очагом, в сказке про Буратино. На мгновение Егор представил себе, находящуюся за ним волшебную страну, и эта мысль его развеселила.

На каминной полке между двумя бронзовыми подсвечниками стоят массивные чугунные часы – в форме статуэтки мальчика-чистильщика обуви. Часовая и минутная стрелки на них не двигаются. Не работают, подумал Егор. Ну и что, зато статуэтка классная. Подумаешь, время... – если нужно... его можно посмотреть и в телефоне.

А ещё в кабинете почти у всех стен стоят книжные шкафы. Книг у профессора дома было столько, что они даже не помещались все на полках. Они заслоняли ряды, замурованных за ними томов и лежали высокими стопками на banquetке с точёными фигурными ножками и двух, стоящих возле неё табуретах. Трудно представить, как профессору удавалось ориентироваться в этих книжных амбразурах. Например, если ему на сон грядущий вдруг захочется почитать томик со стихами Вольтера – а тот, находится ни пойми в каком шкафу, ни весть на какой полке, и уж тем более не понятно в каком ряду... То, как тогда ему быть?.. А если он даже знает, где находится этот томик, то туда ещё нужно как-нибудь добраться. Вот оно – настоящее «горе от ума».

А ещё здесь по стенам висят разные диковины: африканские маски, оленьи рога, и даже кривая турецкая сабля – в инкрустированных драгоценными камнями ножнах. У большого окна стоит массивный дубовый стол, обитый зелёным сукном, на котором лежат папки с научными докладами, рабочие бумаги и красивый набор с письменными принадлежностями.

С позволения Андрея Андреевича Егор положил на него рюкзак, достал из него книжки, и передвинул невысокую стопку профессору.

– Вот, Андрей Андреич, возвращаю. Спасибо, прочитал всё от корки и до корки.

– Ну и... что скажешь? – профессор Перовский протёр бархатной тряпочкой очки в тонкой золотой оправе, помасировал пальцами уголки глаз у переносицы и водрузил их на место. – Что в наибольшей степени привлекло твоё внимание?

– Всё было интересно, – Егор раскрыл тетрадь с пометками и начал искать абзацы, которые он выделил маркером, как особо важные. – И про княгиню Ольгу... а особенно про то, как она древлянам отомстила за своего мужа. И про князя Святослава. Про его храбрые и победоносные походы к вятичам и на Византию. И про его войну с хазарами. Я считаю, что его талант как выдающегося полководца, очень слабо раскрыт в учебнике Истории по школьной программе. А ведь в тактике и военной стратегии, он не уступал даже ве-

ликому всё Александру Македонскому.

Во даёт. Как точно подметил, молодец. Перовский в который раз восхищался самоотверженной увлечённостью Егора. Такая жажда знаний присуща далеко не всем студентам и аспирантам на его историческом факультете. Да что говорить про них, даже не всем историкам в большой науке. Те, с кем ему приходилось сталкиваться день ото дня в университете, в научном сообществе или на конференциях – далеко не все они стремились к знаниям, с таким рвением как у Егора. А сколько ещё этот мальчик смог бы принести неоценимой пользы, если бы он взял его в археологическую группу – например, на раскопки древнего городища в Аркаиме.

– ... А ещё было интересно прочитать про междоусобные войны князей. Когда каждый считал себя самым достойным и старался завоевать и подчинить себе соседей. – Егор перелистнул страницу в тетради. Вот он – этот главный раздел, который ему до сих пор не дает покоя. – А потом в Киеве пришёл к власти князь Владимир и стал оплотом в объединении и укреплении Киевской Руси. Он очень много сделал для становления нового мощного государства. Чего только стоит его Крещение Руси. Но дело в том, что о князе Владимире я прочитал уже несколько книг. И вот в чём проблема: большинство исторических данных и фактов в этих книгах весьма противоречивы.

– Так-так, – профессор удобно устроился в кресле в предчувствии занимательной дискуссии, и подпер кулаком щети-

нистый подбородок. – И что же ты обнаружил в этих книгах такого противоречивого об этом самом князе Владимире?..

Егор вытащил одну из книг из стопки и повернул обложкой её к Андрею Андреевичу.

– Вот в этой пишут о том, что якобы князь Владимир Красно Солнышко был очень мудрым и дальновидным правителем. Что он искоренил междоусобицу между князьями. Провёл победоносные сражения и смог склонить на свою сторону другие народы. Способствовал присоединению новых земель к растущему и окрепшему государству. Принял новую веру и совершил Крещение Руси. В общем о том, что наш князь молодец, герой и патриот.

– Тааак... – Перовский уже понял, куда клонит Егор. Но пока не стал подавать виду, что ему уже известно то, что так удивило Егора. – Я внимательно тебя слушаю, продолжай...

– А вот в этой книжке, – Егор в другую руку взял вторую книгу, и тоже продемонстрировал профессору её обложку, – сказано о том, что он якобы был незаконнорожденным. С особой жестокостью убил своего брата. Был алчным и жадным и у него было много жён и наложниц. Что в самом начале он причислял себя к язычникам. И что даже установил в Киеве огромного кумира Перуну. А потом, когда ему это стало выгодно, то Владимир решил креститься. Сначала он покрестился сам, потом принялся крестить бояр. А после распорядился крестить народ. Причём, как пишет автор, народ воспротивился и не захотел креститься. И тогда князь Вла-

димир принялся новую веру насаждать насильно – огнём и мечом. И что много людей пострадало тогда от этого тирана.

Егор держал обе книги в руках и балансируя ими, будто это были не книги, а чаши весов, на которых взвешивались поступки князя, пытался определить, какая же из них излагает жизнеописание правителя Киевской Руси более объективно и справедливо. Его непонимание не давало ему покоя – кто же прав из двух авторов и на чьей из них стороне истина?

– Ты, наверное, ждёшь от меня ответа? – в копне усов и седой бороды профессора угадывалась ироничная улыбка. – Надеешься, что я, вот так просто, возьму и разложу тебе все по полочкам.

– Ну, да, – подтвердил Егор. А как же иначе. Ведь вы же не кто-то там с улицы, а настоящий профессор! Но, вслух Егор выразился совсем не так. – Если вы дали мне эти книжки, то это значит, что вы их читали. А если читали то, значит вы знаете, кто из этих двух авторов прав. Ведь не может же быть такого, что они оба правы.

– Видишь ли, Егор, – тут повисла короткая пауза и взгляд Андрея Андреевича сквозь стёкла очков стал ещё более пронизателен и серьёзен.

Он пытался подобрать правильные слова, но так, чтобы не отбить охоту у мальчика к последующим научным изысканиям. Хотя, возможно, обсуждать такую сложную тему с подростком было бы бессмысленно и нецелесообразно. Но

профессор видел в Егоре потенциал будущего учёного и поэтому разговор между ними должен был состояться прямо и честным.

– Как принято говорить в наших кругах: что история не терпит сослагательных наклонений. И мы – я и многие мои коллеги – служим этой науке праведно и безупречно. Но порой не всё складывается так просто, как нам бы этого хотелось. И история нашей Родины, впрочем, как и вся общеизвестная мировая история этому самый яркий и показательный пример.

По интонации профессора Егор догадался, что сейчас тот поведаёт ему какую-то тайну. Да ещё и такую, о которой мало кто догадывается. Он внимательно слушал и впитывал каждое его слово, и благодарил судьбу за то, что она позволила познакомиться ему с таким глубокоуважаемым учёным. Где бы ещё он бы смог почерпнуть столько ценного и полезного.

– На протяжении столетий история мира неоднократно переписывалась. И каждый раз она писалась заново – в угоду правящему строю, государственной элите или единовластному правителю. Неудобные им страницы безжалостно вымарывались и уничтожались. А те события, что выставляли их в лучшем свете, наоборот, освещались подробно, а их заслуги преумножались и приукрашивались. И если мы сравним исторические записи некоторых событий, описанных сто лет назад, с записями, сделанными совсем недавно, то мы заме-

тим в них некоторые неточности, шероховатости и несоответствия. А иногда содержание, может быть, до такой степени искажено, что у ученых это вызывает полное недоумение.

– Так, как же тогда разобраться в том, какие, из описанных событий настоящие, а какие из них фальшивые? – такая интрига, похожая на тайный заговор ещё в большей степени распалила любопытство Егора. – Ведь люди должны узнать правду. А иначе, какой тогда смысл во всей этой истории.

Профессор Перовский услышал в речи Егора одно слово, которое подсказало ему, как более наглядно подсказать ему решение этого вопроса. При этом не будет необходимости высказываться заумными речами и приводить в качестве доказательств скучные факты. Лучше всего сделать так, чтобы тот сам нашёл для себя правильное решение. И тогда Андрей Андреевич достал из комода старинную шкатулку из красного дерева с позолоченными замочками. Он открыл её и извлёк из неё две большие серебряные монеты.

– Вот, смотри, – одну за одной он выложил обе монеты перед ним на стол. – Перед тобой две серебряные монеты, датированные девятнадцатым веком. С виду они похожи. На обеих двуглавый орёл, а на обратной стороне профиль императора. Обе монеты одного достоинства. Но вот только одна из них настоящая, а другая фальшивая – новодел. Таких сейчас на Али Экспрессе пруд-пруди. Да и на прочих барахолках в интернете. Теперь посмотри, как определить, какая из них подлинная?

Егор взял в руки обе монеты. Прикинул по весу. Но вопреки ожиданиям, не ощутил между ними никакой разницы. Он стал рассматривать пристально их чеканку. Переворачивал то на одну, то на другую сторону. Затем подошёл к окну, где было больше света. Ну вот как тут определить, не пробовать же их на зуб, как это делали разбойники в старых фильмах.

– Я не могу определить, – честно признался он. – Но, мне кажется, что для того, чтобы узнать, какая из них настоящая, то нужно отдать их на экспертизу специалисту. Ну... например, какому-нибудь старому часовщику или ювелиру.

– А почему именно старому? – добродушно рассмеялся Андрей Андреевич. – Что, думаешь, что молодой в них не разберётся?

– Ну, не знаю почему, – Егору и самому стало забавно, что он оказался в ловушке стереотипов. – Просто мне кажется, что старый ювелир разберётся намного лучше, чем молодой. К нему, что ли, как-то больше доверия. Или я не прав?..

– Ну, почему же... – довольный результатом, Андрей Андреевич, сложил за головой, руки в замок и с удовольствием потянулся. – Отчасти ты прав. Но только не со старым ювелиром. А в том, что для определения подлинности необходима профессиональная экспертиза.

– Так значит, – стал развивать дальше мысль Егор, – чтобы определить, в какой из этих двух книг про князя Владимира написана правда, то их нужно отдать на проверку на

экспертизу.

– Или... – помог ему профессор с выводом. – ... нужно более тщательно поработать с первоисточниками. А может быть даже покопаться в архивах, изучить исторические документы, почитать записи иностранных послов, путешественников, и прочих очевидцев того времени. Вот тогда и начнётся вырисовываться некая картина. И тогда уже на основании этого можно будет сделать соответствующие выводы.

– Но ведь, не у каждого читателя есть на это время, – возразил Егор. – Да и не каждого встречного пустят в архив, где хранятся такие документы.

– И тут ты тоже прав, – похвалил его Андрей Андреевич. – В этом случае перед тем, как принимать слова автора на веру, нужно вначале убедиться, а что же за человек, этот самый автор. В книгах с такими серьёзными темами – если исследователь действительно хочет быть объективным и убедительным, – на последних страницах должен быть размещён перечень первоисточников со ссылками на конкретные места. Это всё делается для того, чтобы всякий желающий смог при желании эти факты сам проверить. Ведь мы же учёные. И ты Егор тоже, я надеюсь, в ближайшем будущем получишь должное образование и тоже станешь таким учёным. А учёные не должны идти на поводу эмоций. Они должны быть непредвзятыми, объективными и руководствоваться в своих изысканиях только фактами.

Егор тут же открыл и перелистнул обе книги на последние

страницы. Сначала ту, которая ему понравилась, а потом ту, которая вызвала у него сомнения. В тот же миг он засиял от радости и показал Андрею Андреевичу то место, которое искал, и торжественно объявил:

– В этой книге такого раздела нет! А значит – если нет ни фактов, то нет и доказательств.

– Молодец, Егор! – с довольным видом похвалил его профессор. – Я искренне рад за тебя. Сегодня ты получил хороший навык работы с первоисточниками. Теперь тебе можно поручить другое не менее интересное и ответственное задание.

Он выдвинул ящик письменного стола и протянул мальчику свёрток из вощёной пергаментной бумаги.

– Я даю тебе эту книгу. Прочитай её внимательно. И как начинающий учёный сделай соответствующие, объективные выводы. А при следующей встрече ты мне расскажешь: какие персонажи в ней могут быть настоящими историческими личностями, а какие неправдоподобными или вымышленными.

Геля, Ляля, Клара и театр

Театр сильнее всего воздействует тогда, когда он делает нереальные вещи реальными. Тогда сцена становится перископом души, позволяющим заглянуть в действительность изнутри. (Франц Кафка)

– Кларрра, Кларрра, – прочитала с листа Ляля реплику из

сценария.

Ляля... а точнее, Ляля Амировна – она художественный руководитель детского драматического театра. Черноглазая красавица с бархатной кожей, мягкой, доброй улыбкой и лёгким румянцем на восточных скулах. В общем... настоящая персидская принцесса – ни дать, ни взять. Дети в театре её обожают.

– Карр, каррр... – прокаркала ей в ответ Геля.

Геля... с виду такая же, как и тысячи девочек – её сверстниц – худенькая, стройненькая, с чёрными волосами, подстриженными в аккуратное каре, с большими зелёными глазами, и с широко распахнутыми длинными ресницами. В отличие от своих сверстниц Геля почти не носит украшений. Кроме одного единственного – речного камня в форме отшлифованного сердечка. Она нашла его год назад и загадала, что когда-нибудь он принесёт ей счастье. С тех пор так и носит его на шее, на шнурке. Из всех цветов в одежде она предпочитает чёрный. Нет... это не из-за того, что она какая-то странная. И не потому, что она какая-то готка или неформалка. Просто Геля – она необычная. И совсем не похожа на остальных. А черным цветом в одежде она подчёркивает свою индивидуальность.

Вообще она одарённая и способная. Правда знает об этом только её бабушка. Потому что учителя и её одноклассники этих качеств в ней пока ещё не заметили. По успеваемости в классе Геля находится в самой середине. Зато ребята не

дразнят её «зубрилой», как некоторых отличниц и зануд. Но и к тем, кто едва справляется с учебой, она тоже не относится, так как учиться спустя рукава – это не в её правилах.

Чтобы девочка смогла лучше раскрыть свои таланты, бабушка записала её в детский театр – на курсы актёрского мастерства. Не сказать, чтобы Гелю эта идея привела в восторг, но она отнеслась к бабушкиной заботе с уважением. Она вообще очень любит бабушку и старается её не разочаровывать. Вот и теперь, чтобы её порадовать, ей пришлось терпеливо разучивать роль – хотя та ей совсем не нравилась.

– Ты сейчас раскрроешь клюв от удивления, Клэррра, – Ляля намеренно произносит фразы с ярко выраженной вороньей артикуляцией, чтобы помочь Геле вжиться в роль и погрузиться в образ. – Эту девочку зовут Геррда.

– Герррда?! – произносит Геля в ответ. Она старается изо всех сил. Но Ляля Амировна смотрит лишь в текст, и делает вид, что её стараний не замечает. Эх... жаль, что бабушки нет на этой репетиции. Уж она-то точно отметила бы её потрясающую игру.

– Наша родственница Сорррока ужасная сплетница. Она все новости пррриносит нам на хвосте. Она рррассказала нам вашу историю, – обращается Ляля к пустому месту. На самом деле, в этот момент на репетиции, подразумевается, что на этом «пустом» месте должна якобы находиться Герда. Но у Лены Колоды, которая играет Герду, заболело горло. Из-за того, что она поспорила с девчонками и съела на спор три

порции мороженого. По этой причине она на сегодняшнюю репетицию не пришла.

– Каррр... – отвечает Геля.

– Клэрра, это ещё не всё. Я пррредполагаю, что жених принцессы это и есть Кай.

Тишина... Ляля смотрит в ожидании на Гелю. Но та продолжает молчать. Ответа от вороны Клэры не последовало.

По кислому выражению лица Гели, и по её последнему «карр», которое прозвучало не по-вороньи, а как фырканье маленького, расстроенного и готового вот-вот расплакаться воробушка, Ляля заметила, что с девочкой происходит что-то не то.

– Геля, давай соберись. У нас ведь через два дня премьера.

Геля села на край импровизированного бутафорского дупла. Она очень сдерживалась, как могла, но сейчас её терпение лопнуло. В знак протеста она скрестила на груди руки-крылья, с тряпичными лоскутами из бутафорских перьев, сделала глубокий вдох и закатила газа к потолку.

– Ну сколько можно. Это не текст, а просто издевательство какое-то. У других слова как слова. А у меня, только: «каррр», да «карр». И костюм этот... мне в нём жарко и не удобно. А ещё это клюв...

Она постучала костяшкой пальца по огромному импровизированному клюву, притороченному к шапочке, на вшившейся под подбородок резинке.

– Ну разве это клюв?.. Это же рог какой-то. Я чувствую с

ним себя не вороной, а каким-то единорогом.

Ляля прыснула. И не в силах сдержаться, звонко рассмеялась. В подтверждение своих слов, девочка стала скакать по сцене и действительно очень правдоподобно изображала единорога.

– Тогда, может быть, тебе стоит сменить амплу, – предложила Ляля.

– Что, сыграть вместо вороны единорога? – спросила Геля, хотя была точно уверена, что в сказке «Снежная Королева» не было такого персонажа.

– Нет, – Ляля Амировна перестала смеяться и теперь уже выглядела вполне серьёзной. – Если тебе не нравится театр, и ты не готова принять, предложенную тебе роль, тогда отправляйся в цирк. Будешь там клоуном. Ведь комедийный жанр, судя по твоим выходкам – это твоё призвание. А что... пародировать лошадей у тебя вполне неплохо получается.

Геля поняла, что в этот раз она была не права. И своим поведением, возможно даже обидела художественного руководителя. Но ведь её тоже можно было понять. Она пришла сюда учиться актёрскому мастерству, а вместо этого ей предлагают сыграть какую-то ворону.

– Не хочу в цирк. Не хочу клоуном, – со стороны сейчас Геля была похожа на маленькую капризную девочку. – Мне очень нравится театр. И я люблю его всей душой. Ну почему, ворона?.. Что у вас для меня больше нет никаких других нормальных ролей?

– А чем так плоха ворона?.. – это был даже не вопрос, а искреннее непонимание.

– Как чем? – Геля беспомощно замахала крыльями, как будто хотела стряхнуть с себя это дурацкое, нелепое одеяние. От обиды она была готова расплакаться. – Ляля Амировна... ну вот вы сами посмотрите. Ну что это за роль?.. За весь спектакль, в обоих действиях, я выхожу на сцену всего три таза. И все три вот в этом...

Она продемонстрировала, свисающие до пола тряпичные крылья. А затем, поочерёдно повернула голову – сначала направо, а потом налево, – чтобы продемонстрировать свой огромный блестящий клюв.

По спокойной реакции Ляли Амировны Геля поняла, что этими действиями не вызвала у художественного руководителя к себе сочувствия.

Тогда она обречённо вздохнула, подошла к декоративному дереву, на котором по Лялиному сценарию должен был сидеть Карл, и с размаху стукнула в него клювом.

– Геля, не смей портить реквизит. Артур Львович в отпуске, и пока он не вернется, нам его никто больше не починит, – Ляля Амировна взирала на Гелины выходки, но оставалась непреклонна. – Лучше успокойся и соберись. И вообще... между прочим, как по мне, то это очень хорошая роль. Ты даже себе не представляешь, до какой степени. Это же ворона – ворона Клара!..

Причём, сказано это было так воодушевлённо, торже-

ственно и мечтательно, – как будто речь шла не о вороне, а о какой-нибудь фее или о принцессе.

– Клара, Гелечка – это не обычная ворона.

Но Геля её не слушала. Она стояла лицом к декорации и монотонно, как метроном, долбила клювом по имитации дерева из папье маше.

– Ты слышишь меня?.. Ну перестань, пожалуйста. Это же очень хорошая роль. А ты вместо того, чтобы использовать её, как возможность попробовать себя в творческом перевоплощении, долбишься лбом в декорацию, как дятел.

– Ну почему мне так не везёт? – Геля остановилась, перестала стучать, развернулась... и тяжело вздохнула. – Вот у других, например, роли как роли. И монологи, и диалоги... и костюмы у них интересные... и сценические приёмы. А у меня... только эта малюсенькая роль. Какая-то говорящая ворона. Спасибо, хоть не предложили сыграть кукушку из настенных часов.

– Не нужно паясничать, – Ляля Амировна сложила в стопку листы сценария и закрыла папку. – Если не хочешь играть, то значит не играй. Между прочим, Константин Сергеевич Станиславский – великий театральный режиссёр и постановщик – своим ученикам частенько повторял: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актёры».

– И что это значит? – В глазах девочки проснулось любопытство.

– А это значит, Геля, что любая роль, даже если она очень

маленькая, может быть сыграна с такой отдачей и мастерством, с какими иным примам театра с их главными ролями им даже и не снилось.

– Это что правда?..

– Правда, деточка, правда...

Ляля давно уже поняла, что на самом деле было нужно этой девочке. Не роль ей была нужна. Не костюмы и не красивые слова в сценарии. Это всё – лишь пузыри и пена. Ей нужна была настоящая победа. А что к ней могло её привести? Только борьба и преодоление трудностей. Причём таких, чтобы никто и никогда не захотел за такое дело браться. НИКТО!.. Ну разумеется – кроме неё.

– Настоящие мастера, – доверительно поведала ей Ляля, – умеют так преподнести себя в маленькой, второстепенной роли, что многие люди уже, может быть, и забыли, о чём был тот фильм или спектакль, который они смотрели, а их гениальную реплику не забыли. Искромётные, яркие реплики этих актёров зрители разбирают на цитаты. Иных актёров уже и нет в помине, а те их роли до сих пор живут.

Эти слова произвели на Гелю сильное впечатление. И теперь, после этого, даже её костюм с тряпичными крыльями, уже не казался ей таким унылым и невзрачным. Она посмотрела на него с другой стороны – со стороны, вновь открывшейся перед ней перспективы. Да... между прочим, подумала она – ведь по большому счёту, этот её костюм, по своему стилю и по фасону, ничем, между прочим, не уступает ко-

стюму Бэтмэна.

– А сколько великих и замечательных актёров, запомнились именно своими маленькими ролями. Владимир Басов, Рина Зелёная, Фаина Ранеская, Сергей Филиппов, и многие... многие другие. Настоящие короли и королевы эпизода.

Дальше Гелю можно было не убеждать. Ляля Амировна теперь уже точно была уверена, что эта эпизодическая роль вороны Клары станет «гвоздём программы» этого спектакля.

Теперь окрылённая, воодушевлённая и воспрянувшая духом Геля, ни за что не расстанется с ней – ни за какие коврижки. Отобрать у неё эту роль теперь можно будет только силой.

По дороге домой, девочка продолжала обдумывать свою роль: как она будет смотреть на зрителей, как произносить слова, как двигаться. Теперь в её мыслях образ вороны Клары настолько отчётливо отпечатался в сознании, что даже и не думал её покидать.

Стать самой лучшей актрисой – это конечно хорошо. Но всё же Геле этого было недостаточно. Теперь она была настроена стать ещё и самой лучшей вороной... Да-да, вы не ошиблись, читая эти строки. Именно – вороной. Она вознамерилась так правдоподобно вжиться в образ, чтобы потом не только люди, но даже сами вороны, и те приняли её за свою. Если она сможет этого добиться, то вот где будет её настоящая победа.

Геля шла по улице и то и дело бросала цепкие взгляды по сторонам. Подобно легавой собаке на охоте, она всякий раз останавливалась на короткий миг, словно выискивала добычу. Но в данном случае, вместо добычи Геля высматривала ворон. Она выискивала их везде, где только было можно: на крышах, на ветках деревьев, на мусорных баках, на проводах, на детских площадках, на припорошенных листвой газонах... Присмотрев какую-либо из них, она изучала их поведение, их повадки – с не меньшим вниманием, чем профессиональный натуралист или орнитолог.

В повадках ворон ей было интересно всё: то, как они ходят, как летают, как друг перед дружкой важничают, топчутся и переставляют лапы, как деловито общаются, а потом ругаются, как смешно рассматривают своё отражение в лужах и как недовольно ворчат, осуждая вспугнувшего их кота. В общем Геля следила за всем и подмечала всё, чтобы запомнить и после повторить.

Сегодня вместе с ролью перед ней открылся новый мир – мир ворон. И он, на удивление, оказался таким чудесным. Она призналась себе, как же я всего этого раньше не замечала? Ведь если ними внимательно понаблюдать, то можно заметить, что вороны своим поведением и повадками похожи на людей.

Поглощённая этими мыслями, Геля даже не заметила, как оказалась перед дверью в свою квартиру. Она позвонила в звонок. Дверь открыла бабушка.

– Ты что-то сегодня задержалась, внученька. Я уж было, начала переживать.

– Всё в порядке, бабуля, – улыбка Гели, для бабушки была лучше любого успокоительного. – У нас была генеральная репетиция. Ты же помнишь, через два дня у нас премьера.

Она повесила курточку на крючок, присела на пуфик и принялась расшнуровывать ботинки. Кстати, эти ботинки с рифленой тракторной подошвой, были её самыми любимыми из всей обуви в гардеробе.

– Генеральная репетиция, – с важностью повторила бабушка, копируя интонацию любимой внучки.

Она искренне верила в Гелин талант и ей не терпелось увидеть её на сцене. Но чуткое сердце ей подсказывало, что в необычном поведении внучки таится какой-то подвох. Геля буквально лучилась от счастья, чего с ней ранее никогда не случалось. И бабушке стало интересно: в чём же причина такого необычного восторга.

– Генеральная репетиция, это очень важная и уважительная причина. Хотя не настолько важная, чтобы опаздывать и заставлять бабушку переживать. Так чем же ты всё-таки занималась?..

– Ворон считала, – невозмутимо ответила Геля, чем окончательно обескуражила бабушку.

– Ворон считала?.. – бабушка улыбнулась обескураженно и решила, что это шутка.

Но девочка не шутила. Она говорила правду.

– Ага, ворон... – Геля опять использовала улыбку, как своё самое верное и секретное оружие. – Бабуля, ты у меня такая смешная. А особенно, когда на меня так смотришь. Да, не бери ты в голову... Ну я же тебе рассказывала, что по сценарию мне дали роль. Я там играю ворону Клару.

– Помню-помню... – махнула рукой бабушка и пошла накрывать на стол.

Ох темнит что-то внучка, подумала про себя она, ох темнит... Видать опять что-то там себе придумала, проказница, ... и не договаривает.

Бабушка Гели даже не представляла, на что способна тяга к актёрскому мастерству и волшебная сила театральных подмостков. Ах... если бы она только знала, какие перемены принёс это день в дальнейшую судьбу её любимой внучки.

Милица – не обычная лиса

Последний мазок получился особенно удачным. Лиловая тень лёгкой дымки мягко легла под свинцовой тучей. Контраст между недружелюбным осенним небом и яркой багряно-золотой листвой на эскизе вышел естественным и выглядел вполне реалистично. Результат превзошел все мои ожидания. Это был мой первый опыт написания картины с натуры.

Довольная тем, что получилось, я замечталась и даже не заметила, как погрузилась в воспоминания о том, как раньше мы гуляли в этом парке. Теперь мне кажется, что это было так давно – тогда я ещё училась в первом классе – почти каж-

дое воскресенье мы выбирались с родителями в этот парк.

Мы вместе неспешно прогуливались по аллеям или по набережной вдоль пруда, где папа в киоске обычно нам покупал мороженое. Во время прогулок нам не редко встречался один и тот же старичок: художник в берете, с обмотанным вокруг шеи длинным вязанным шарфом. Тогда мне казалось, что он был похож на доброго седобородого сказочника.

Старичок как обычно, стоял у видавшего виды, обшарпанного этюдника и мурлыкал себе под нос какую-нибудь весёлую песенку. Я отчетливо помню его мятые и скрученные в рулончики тюбики – они лежали россыпью (в творческом беспорядке) внутри переносного деревянного ящика, а сам этот ящик был так перепачкан от этих красок, что выглядел точь-в-точь, как и палитра в его руке. Тогда я могла подолгу стоять возле него и наблюдать за тем, как он писал свои пейзажи. Меня забавляло как он иногда прищуривался, вытягивал руку с кистью и направлял её на предмет, чтобы отмерить его пропорции, а затем смотрел на картину и сравнивал – всё ли на ней соответствует действительности.

Меня всегда восхищали его картины. В них он умел отразить те нюансы, на которые другие никогда бы не обратили внимания. Его работы были великолепными и потрясающими. Когда я рассматривала их, они меня завораживали. У меня создавалось такое впечатление, что они как бы сами по себе, жили отдельной, совершенно другой жизнью. Мир, отражённый в них, был намного лучше.

Ах, как давно это было... но я до сих пор иногда вспоминаю об этом старичке. Может быть, это из-за него мне захотелось стать художницей?

Тут где-то рядом щёлкнула ветка и зашуршала сухая листва. Я инстинктивно вздрогнула, очнувшись от былых воспоминаний и сразу пришла в себя.

Что это хрустнуло? Я внимательно стала осматриваться по сторонам. Но так никого и не заметила. Кроме наших ребят, которые расположились с этюдниками неподалёку. Они продолжали писать пейзаж, и каждый был сосредоточен на своей работе.

Может быть это ветер, подумала я. Нет, всё-таки это был не ветер. Я бы тогда на себе почувствовала его дуновение, а на деревьях бы зашевелились листья. А тут, ни один листочек не шелохнулся.

Пока я размышляла над этим, ту внезапно шорох повторился вновь. Я резко повернулась на звук, и тогда увидела...

Неподалёку от меня – всего в нескольких шагах – в ворохе красных и жёлтых кленовых листьев лежала, свернувшаяся в клубок лиса.

Не может быть. Я едва сдержалась чтобы не вскрикнуть от восторга. Ну неужели и в правду, настоящая лиса? Вот только откуда ей здесь взяться? Ведь это же парк, а не дикий лес.

Кому рассказать, так никто же не поверит. Так, стопэ... И тут меня осенило. Кстати, а это хорошая идея! Вот будет

классная тема для моего блога.

Стараясь не делать резких движений, я нашарила в кармане своего пальто смартфон. Достала... осторожно – так, чтобы не спугнуть лисичку – навела на нее объектив. Выждала паузу... затаила дыхание, дождалась, когда изображение в фокусе стало чётким... Щёлк – прозвучал звук в смартфоне, имитирующий клацанье затвора фотоаппарата. Тут, услышав его, лисичка вздрогнула... подняла остроносую мордочку, насторожилась и наострила уши.

Я мысленно отругала себя за то, что не догадалась перевести устройство на беззвучный режим.

Тут наши взгляды встретились. Но к счастью, лиса не испугалась и не убежала. Скорей всего, это из-за того, что она не почуяла во мне угрозы. Она поднялась, отряхнулась от мусора, глубоко прогнулась и растянулась словно пружина. После чего, как ни в чём ни бывало, зевнула и опять уселась на то же место.

Невзирая на то, что в парке в это время было полно людей, она чувствовала себя вполне комфортно. Можно подумать, что для лисы, словно для собаки, находиться здесь было вполне уместно.

Она краем глаза взглянула на меня и принялась спокойно приводить себя в порядок. Нет, ну вы на только посмотрите на эту нахалку – ведь она определённо надо мной смеется.

Я открыла в смартфоне папку с фотографиями. Меня так и подмывало поскорее запостить в своем блоге это фото.

Пальцы бегло, почти автоматически, отправили снимок привычными движениями. Я перешла на свою страничку и тут вдруг опешила...

– Этого не может быть.

На страничке появилась фотка с обычным парковым пейзажем. Причём, пейзаж, между прочим, был так себе... и никакой лисы на нём и в помине не было!..

Ну, как же так? Ведь я же точно её сфотографировала. Тогда я вернулась в меню и открыла папку с фотографиями со своей камеры. Ну вот он. Всё так и есть. Тот же самый пейзаж – и при этом никакой вам лисы.

Я уставилась на плутовку. Та, как и минуту назад, продолжала оставаться на прежнем месте. Эта чистюля не обращала на меня никакого внимания и продолжала вылизывать мех у себя на груди.

– Ах, значит так... – я поймала её в объектив... и щёлк... щёлк... щёлк... сделала еще несколько новых снимков.

После чего стала их пересматривать и не могла поверить своим глазам. История с лисой-невидимкой повторилась снова. На фотографиях было всё: кусты, деревья с багряными и золотыми кронами, литые чугунные чёрные скамейки, блестящие лужи на сырой брусчатке, густо усыпанной палой листвой. Всё что попало в кадры, было на них запечатлено. Всё – кроме одного. Только никакой лисы здесь не было.

– Не расстраивайся, – голос за моей спиной раздался так

неожиданно, что я от испуга чуть не выронила смартфон. – Как ни старайся, всё равно у тебя ничего не получится.

Анна смахнула со скамьи опавшие листья, убедилась, что под ними не сыро, поправила полы плаща, устроилась поудобнее и закинула ногу на ногу.

– Почему ничего не получится? – в присутствии Анны мне сразу стало куда спокойнее. – Это, что какой-то фокус? А, кажется, я поняла. Это так же, как и с тем знаком на стене, в вашем кабинете.

– Да, Анечка, – подтвердила Анна, и как ни в чём ни бывало стала рассматривать облака.

По серому небосводу плыла огромная туча. По форме она была похожа на огромного кита. Гигантская рыбина заслонила солнце и накрыла всё под собой гигантской тенью. И в тот же миг все цвета и каски стали более отчётливыми и выразительными – в них появлялся объём, словно они обрели какую-то другу мерность. Я сразу же заметила, что мир вокруг нас стал изменяться – он становился совсем другим. Каким-то особенным – завораживающим что ли... Или может быть волшебным.

Я подняла взгляд наверх и увидела, что самой этой туче до тех изменений, что происходят внизу, не было никакого дела. Похоже, что она даже не имела представления о том, что там внизу существует какой-то мир. Она выглядела безразличной и сонной, и двигалась своим курсом, как непоколебимый айсберг. Сквозь толщу небесного океана огромная

рыбины плавно проследовала дальше... и тут, между островами рваных облаков показался просвет солнечного света.

Место, где мы находились озарилось ослепительным сиянием, как от луча мощного маяка или яркого прожектора. Этот свет мне напомнил ореол театральной рампы. Только он не мешал и не слепил глаза. Мне даже показалось что он был неестественно осязаемым, и что я при желании смогу его погладить и потрогать. От этих мыслей мне тут же стало почему-то приятно и уютно, и я присела рядом с Анной, обхватила коленки руками и вместе с ней стала наблюдать за пристроившейся неподалёку от нас, рыжей плутовкой. Такая милая, симпатичная и пушистая зверушка. Вот интересно, а она всё-таки настоящая?

– Она настоящая, – заверила меня Анна. – Я бы даже сказала, что она ещё более реальна, чем ты думаешь.

– А вы что сейчас прочитали мои мысли?

– Нет. В этом нет необходимости. Это ведь и так очевидно, – её ответ меня успокоил, но она всё же пояснила: – Просто ты так уставилась на Милицу... плюс ещё эти твои снимки. Несложно сложить одно с другим и сделать вывод.

– Но ведь так оно всё и получается, – в доказательство я даже вытасила смартфон, отыскала последние фотографии и указала на них Анне. – Вот смотрите: всё вокруг есть, а лисы в кадре нет. И ещё... почему вы назвали её Милицей?

– Ну хорошо, давай начнём всё по порядку...

Как я уже поняла, Анна была готова к этому разговору и

теперь собиралась мне всё объяснить. Но ей предстояло сделать всё это так, чтобы мне сразу стало понятно, что мир, к которому я привыкла и этот новый мир, с которым я сейчас столкнулась – хоть, внешне они и похожи – но на самом деле сильно отличаются друг от друга. Каждый из них живёт по своим законам. И тут речь идет не о юридических или физических законах. Хотя есть и такие, но об этом позже... Не нужно торопить события. Позже вы сами всё поймёте. А если я начну вам сейчас всё объяснять, то вы, наоборот, от таких объяснений только запутаетесь.

– Милица, она не обычная лиса. Она, конечно, похожа на наших лис, но принадлежит другому Миру, – Анна поманила зверюшку жестом, и та засеменила к ней короткими шажочками. – Мы с ней друзья. И она мой проводник в других мирах.

Лиса подошла совсем близко и остановилась в ожидании. Анна подвинулась, освободила для неё немного места, хлопала по скамье, Милица послушно запрыгнула, и ёрзая по сиденью, пристроилась, между нами. Её пушистый хвост скользнул по моему запястью. Вот теперь-то я точно уже убедилась, что она не какая-то там иллюзия, а самая, что ни на есть, настоящая лиса.

– А почему, Милица? – поинтересовалась я. – Ведь в сказках лис зовут Алисами или Патрикеевнами.

– Почему Милица... – произнесла Анна, как бы пробуя это имя на вкус, и вопросительно посмотрела на лису. – Ну...

не знаю. Наверное, потому что она милая. Дело в том, что это не я её так назвала. Она сама так представилась, когда мы с ней впервые познакомились.

– Вы сейчас серьёзно, – я прыснула от смеха и прикрыла губы ладонью.

– Не веришь? – при этом, мне даже показалось, что Анна как будто возмутилась. – Тогда, можешь сама у неё спросить.

Поначалу, я сочла это предложение за шутку. И естественно, у лисы ничего не стала спрашивать. Но затем, мне показалось, что зверушка смотрит на меня так, будто ей самой захотелось, чтобы я её об этом спросила. А когда этого не произошло, её мордочка осунулась и поникла. Похоже, что она на меня обиделась. Вместо того, чтобы разговаривать с лисой и при этом выглядеть глупо, я решила лучше спросить у Анны:

– А можно мне её погладить?

– Ну, конечно же можно, – ответила за неё лиса.

По восторженному выражению её мордочки сразу стало заметно, что она дождалась наконец-то своего звёздного часа. Видно, для неё было так утомительно сидеть в молчании, а теперь появился удобный повод, чтобы его нарушить.

Для меня этот ответ говорящей лисы прозвучал так неожиданно, что я даже раскрыла рот от удивления. Не успела я ещё прийти в себя, как Милица вновь со мной заговорила:

– Тебе же было сказано, что мы с ней подруги. И с какой

стать я не вправе за себя решать. Между прочим, чтобы ты понимала: я сама по себе, а не чья-то там собственность. Так что можешь меня погладить... если хочешь. От меня не убудет. Я разрешаю.

Её тон был весьма убедительным, но при этом она говорила со мной без превосходства. Судя по ней, для неё это было вполне естественно.

Я слегка оторопела от её манер, но несколько на неё не обиделась. Хотя, как тут обидишься – ведь это же всё не по-настоящему. Это, наверное, какой-нибудь сон или гипноз.

– В природе всё гармонично и взаимосвязано. – назидательным тоном продолжала поучать меня Милица. – И все, кто имеет сознание, по её законам между собой равны. И я и ты – мы все. Мы все вместе – это единое целое. Но ваш мир так несовершенен и эгоистичен, что в нем нарушены и искажены все вселенские понятия. Почему-то люди стали считать себя важнее нас – зверей. Что?.. – она посмотрела на Анну. – Я что говорю что-то не то или ты со мной не согласна?

Анна мягко опустила руку лисе на холку и легонько потрепала её за мех. Милица поняла, что Анна ей намекает, чтобы та остановилась. Ведь неуместно начинать знакомство с чтения морали, а в особенности, когда не знаешь, кто твой собеседник.

– Ах да, действительно, и что это на меня нашло, – тут Милица спохватилась и сразу же сменила тему. – Ты кажет-

ся, хотела меня погладить, ну так гладь. Не бойся, я не ку-саюсь.

Я с нерешительностью поднесла к ней руку и провела ле-гонько по спине. Её ворсинки, на ощупь, были мягкими и шелковистыми. От моего прикосновения по ним пробежали крошечные золотые искорки, и я почувствовали на кончиках пальцев лёгкую щекотку.

– Не могу поверить, – я зажмурилась, тряхнула головой, словно хотела избавиться от наваждения. После чего широко раскрыла глаза и начала моргать. – Не может быть. Это что и в правду по-настоящему или всё-таки это сон?

– Нет, не сон, – убедила меня Анна низким, ровным, спо-койным голосом. – Хотя, в твоём случае, для тебя в настоя-щий момент это тоже не реальность. Точнее – она не такая, как ты её себе представляешь. Всё, что ты видишь сейчас, находится за пределами того мира, в котором мы с тобой жи-вём. Сейчас мы с тобой находимся в параллельном – в Навьем Мире.

– Где-где... мы находимся? – переспросила я.

– В Навьем Мире, – Анна жестом обвела всё вокруг. – Это место находится в параллельном мире. Ты никогда не слышала такого слова – Навь?

– Что-то такое слышала, – ответила я. – Но не могу при-помнить. По-моему, это как-то связано со сказками.

– Верно, – подтвердила мою догадку Анна. – Только Навь – это совсем не сказки. В мирах Нави всё выглядит фанта-

стическим, но при этом всё в них происходит по-настоящему. Ты и сама скоро сможешь во всём этом убедиться.

– Ого, ничего себе, – ту я испытала необычное ощущение: огромное удивление, помноженное на интерес. – А что, такое возможно? И вообще, каким образом мы тут оказались?

– Всё возможно, – загадочно улыбнулась Анна.

И тут мне показалось, что Милица вместе с ней тоже улыбается. Хотя, я не представляю, как лисы могут улыбаться. С одной стороны – не могут. А, с другой... Как это понимать?

– Ты здесь оказалась, в первую очередь, благодаря Милице, – Анна с лисой переглянулись, будто мысленно между собой советовались: до каких пределов меня стоит посвящать в эту тайну. – А во-вторую – благодаря себе. Это всё потому, что ты открытая и не закомплексованная, и у тебя хорошо развита восприимчивость. Это свойство – предрасположенность к путешествиям вне тела – у тебя проявилось, когда ты увидела в классе тайный магический символ. Он-то и послужил сигналом, к запуску перестройки твоего восприятия. Ну и третья составляющая этой магической формулы – это я.

– Вы?

– Да, я.

Это было правдой и тут Анна не собиралась скромничать. Скромность – хорошее качество, но во всём всего должно быть в меру. Самое главное при этом – это не зазнаваться. И судя по тому, как Анна себя со мной вела, ей это не грозило.

– У тебя есть задатки, но ещё нет силы, – Милица вид-

но тоже была с ней согласна и кивнула, в подтверждении её слов. – Для того, чтобы иметь возможность свободно переходить в Навий Мир, нужно много и терпеливо учиться, практиковать выходы из тела и копить энергию. А иначе, без этих практик, ничего не выйдет. Ни один человек, как бы сильно он этого не хотел, самостоятельно никогда не сможет сюда попасть. Если только, конечно, ему не поможет ведьма...

– Так вы ведьма? – вот оно что на самом деле.

От такого заявления я выпучила глаза и почувствовала, что начинаю беспокоиться. Мне ещё сразу стоило догадаться, что тут что-то не так. От такого открытия мне вдруг захотелось броситься прочь, и закричать во всю глотку: «караул». Но что-то меня удержало. И почему-то при этом, мне было совсем не страшно.

Ведьмы и проводники

Я с недоверием посмотрела на Милицу, но та уже не улыбалась. Она схватилась лапами за живот, и не в силах сдержаться от смеха, брякнулась со скамьи и покатилась кубарем по земле пока не зарылась по уши, в шуршащий ковёр из листьев. Лиса каталась по палой листве, безудержно хохотала и при этом подёргивала лапами. А я смотрела на неё с недоумением и думала, что меня наверняка разыгрывают. Чтобы развеять свои сомнения, я в ожидании разъяснений перевела взгляд, с хохочущей Милицы на Анну. Но та, в отличие от лисы, даже не улыбнулась. Значит всё-таки – это была не шутка.

– Да, я ведьма, – как ни в чём ни бывало, подтвердила мою догадку Анна.

– Ну хорошо, допустим... А вы хорошая ведьма или злая? – с подозрением спросила я.

При этом мне хотелось выглядеть, как можно серьёзнее. Тут я вспомнила сцену из одного старого фильма – там таким тоном один суровый дяденька допрашивал, доставленного в штаб шпиона.

– А ты сама, как думаешь? – Милица высунула острую мордочку из-под вороха сухих листьев и с хитрецей во взгляде, подмигнула Анне. – Да... сочувствую я тебе, девочка. Тяжёлый случай. Но ... не самый запущенный. Тебе ещё повез-

ло, что ты попала в надёжные руки.

Лиса умилялась тем, что так ловко ввела меня в замешательство.

– Такие надёжные руки, что из них уже не вырвешься... – в её глазах вспыхнул дикий огонёк и она плотоядно облизнулась. – Анна Андреевна, а вы как предпочитаете употреблять, доверившихся вам девочек, с солью и перчиком ... или без?

– Ну всё, довольно, Милица... прекрати, – Анна взяла меня за руку и дала мне понять, что это у Милицы такие шутки, и что на самом деле мне не о чем беспокоиться. – Не обращай на неё внимания. У некоторых лис такое своеобразное чувство юмора.

– Всё в порядке, – сказала я. – Можете меня не успокаивать. Мне на самом деле не страшно. Это в какой-то степени даже интересно. Ведь я никогда ещё не встречалась с настоящей ведьмой.

Она смотрела на меня и пока ещё не произнесла ни слова – видно решала: какой объём информации можно мне сообщить, чтобы сразу меня не огорошить.

Пока мы молчали, со стороны пруда пронёсся лёгкий ветерок. Он принёс с собой запах осенней прохлады и приближающихся заморозков. Ветерок покружил вокруг нас по земле, разворошил листву, прочертил на зеркальной поверхности луж рябые дорожки, и петляя как белка, умчался вверх – где и скрылся в густом лабиринте спутанных ветвей.

– В наше время у людей сложилось искажённое представление о ведьмах, – Анна поправила растрёпанную ветром причёску, и извлекла из складок шарфа, угодивший туда кленовый лист. – Люди знают о нас только то, что те, кому выгодно, чтобы о нас так думали, вложили им в их головы. Образ ведьмы для них – это злая женщина или старуха с ужасной бородавкой на носу. По ночам она варит зелье, летает верхом на метле, носит плащ с капюшоном или остроконечную шляпу, строит козни и на всех наводит порчу.

– А ещё похищает детей, – напомнила ей Милица.

– Дорогуша, это уже перебор, – Анна пригрозила ей пальцем, но на самом деле, она её не сердилась. – Я, конечно, ценю твоё чувство юмора. Оно у тебя сродни английскому. Но давай-ка побережём его для более подходящего случая.

Ей понравилось, что несмотря на подтрунивания Милицы, я продолжала сохранять спокойствие и держала себя в руках. После лёгкого потрясения я понемногу начала осваиваться в Навьем Мире и уже стала его принимать как данность. Я почувствовала, что он меня как бы принял, – что для меня само по себе стало хорошим знаком, – и я приготовилась к новым открытиям, в чём целиком и полностью решила довериться Анне.

– На самом деле, ведьма – это Ведающая Мать. Отсюда и словообразование: Ведь-Ма. Это как в случае с медведем. Знаешь почему его так называют?

Я замотала головой. У меня, конечно, были догадки на

этот счёт. Но зачем притворяться, если ты этого не знаешь точно.

– Медведь – это тот, кто ведает, где мёд. То есть знает, где в лесу его прячут пчелы. Так и в слове «ведьма» нет ничего плохого и ничего обидного. Так в старину называли женщин, которые посвятили себя тайным знаниям, ведали о волшебных силах природы и применяли свои знания, чтобы помогать многим людям.

Теперь пазлы головоломки стали складываться. Чем больше передо мной их раскрывалось, тем становилось всё интересней и интересней. Теперь уже из отдельных фрагментов начинали угадываться общие черты, которые позволяли достроить в уме полную картину. Постепенно ко мне пришло понимание о том, что быть ведьмой на самом деле это не так уж и плохо, и что если бы все ведьмы были похожи на Анну, то возможно бы наша цивилизация от этого только бы выиграла.

– А если я тоже захочу стать такой, как вы, то вы меня сможете сделать ведьмой? – я в уме уже начала строить планы на это счёт. Вот бы здорово было уметь делать что-нибудь волшебное: например, летать – если уж не на метле, то хотя бы на пылесосе, – или путешествовать по параллельным мирам, когда захочется.

– Сделать ведьмой я тебя не могу, – вернула меня из моих призрачных мечтаний Анна.

– Она не может, – авторитетно подтвердила Милица. –

Честно-честно не может. Даже не уговаривай...

Судя по поведению, эта Милица была большая охотница поговорить, а молчание для неё было хуже пытки. Сдаётся мне, что она немало повидала на своём веку, и в запасе у неё имелась уйма интересных и занимательных историй. Но увы, единственным слушателем для неё была обычно Анна. А у той, по всей видимости, не всегда находилось на это время.

– Не если я не могу, то это не значит, что ты сама не можешь стать настоящей ведьмой. – Во всей этой фразе Анна поставила чёткий акцент на слове «САМА». – Я не в праве принимать за тебя решения или совершать какие-либо действия. Зато ты САМА это можешь сделать. И если захочешь, то я смогу тебе в этом помочь.

– Вот-вот, – Милица снова оказалась, между нами, тут-как-тут. – Именно это я и имела в виду. Сама... и только сама. И никак иначе.

Эта рыжая болтунья выглядела такой забавной. И вот тут я заметила, что они с Анной были такие разные. Если Анна, веселая и жизнерадостная, могла пошутить, но была не склонна к пустой и праздной болтовне, то Милице, той только дай повод поговорить... а уж про её чувство юмора, я вообще молчу. Но при этих различиях, они друг дружку дополняли. Возможно, именно в этом и коренится причина их тесной и неразлучной дружбы. Благодаря этим качествам, они друг дружке никогда не надоедают и относятся с уважением к своим хорошим чертам и, к имеющимся недостаткам.

– Хорошо, я согласна, – сказала я, когда поняла, что приняла окончательное решение. – Я согласна учиться у вас, и прошу вас мне в этом помочь. А когда выучусь и стану такой, как вы... то я тоже смогу потом ходить сюда в Навий Мир, когда мне этого захочется?..

– Со временем сможешь, – услышала я от неё в ответ. – Но это совсем не так просто, как ты себе представляешь.

Ну вот опять начинаются эти тайны и секреты. Мол, это всё трудно... и для этого нужно долго учиться... сперва до-расти, а потом... и бла-бла-бла. Хотя, на самом деле я никогда не боялась трудностей. Но я не виновата, что мне так хочется всему научиться поскорей. А ждать, когда вырасту и стану такой же, как и Анна – ну... в смысле такой же взрослой – мне совсем не хочется. А хочется чудес, – и чтобы уже сейчас. А эти «когда-нибудь» – это слишком долго.

– Чтобы тебе всё стало понятно, я попытаюсь тебе объяснить, – тут Анна широким жестом указала мне на место, в котором мы находились, для того чтобы привлечь мое внимание. – Сейчас мы с тобой находимся здесь, за Явью. Явь – это мир, в котором мы живем. Но он, как ты видишь и ощущаешь, в данное время остался там.

Ну разумеется. Где же ещё нам быть. Ведь это же очевидно. Но так, на всякий случай, я тайком решила себя ущипнуть, чтобы убедиться в этом во отчую. Ой... как больно. Теперь я убедилась. Мы точно здесь в Навьем Мире и мне это не мерещится.

– На самом деле, в той реальности, в которой мы живём там в Яви, в настоящий момент времени, мы по-прежнему так и находимся в парке, в точности на том же самом месте.

– Это как?.. – удивилась я, и для верности ущипнула себя еще раз. – То есть мы сейчас одновременно и здесь, и там?..

– Совершенно, верно. И здесь, и там.

– А как такое может быть? – я почувствовала, что чего-то не понимаю. Хотя, в этом не было ничего удивительного. Ведь не каждый же день ты оказываешься одновременно в двух разных мирах. – Почему тогда я чувствую, что я здесь, но при этом совсем не чувствую себя там?..

– Молодец. Хороший вопрос, – похвалила меня Анна. – Вот тут-то мы и подходим к самому главному.

– Да, молодец, – подхватила за ней Милица. – Какая способная девочка. Просто чудо, а не девочка. А какая, талантливая... Ай....

Ухо лисы, оказалось в руке у Анны. Она не сделала ей особо больно, но при этом строго предупредила:

– Еще раз вмешайся и я больше не возьму тебя в мой мир Яви, минимум на месяц. И целый месяц не буду приходить сюда. А когда вернусь, то перед этим пойду к стоматологу и попрошу его поставить мне брекеты. После чего, буду намеренно шепелявить, чтобы ты ничего не поняла. А потом, даже когда их снимут, ещё полгода не буду с тобой разговаривать.

– Ну, Анна Андреевна, может не стоит так круто переги-

бать палку, – Милица присела на задние лапы, а передние сложила домиком в знак примирения. – Я всё поняла. Все, молчу-молчу... Закрываю рот на замок, а ключик кладу тебе в карман.

– Извини, что пришлось отвлечься, – Анна вновь обратилась ко мне и вернулась к объяснениям. Хотя, можно было и не извиняться, ведь её разговор с лисой меня только развеселил и позабавил. – В подобных практиках, главное – это максимальная концентрация на внимании. Вот например: чтобы ты смогла оказаться здесь, мне пришлось сконцентрироваться на моменте, завладеть полностью твоим вниманием, и это позволило мне перенести твое сознание сюда. Чтобы тебе проще было понять: для нас с тобой, – тех, которые остались там – я полностью остановила время. Я и ты, которые сейчас там остались – они находятся в парке, сидят себе на скамейке, и для них это время, помещено в одно мгновение.

– То есть вы хотите сказать, что пока мы тут с вами беседуем, и пока тут Милица развлекает нас своими шутками – то там эти полчаса уместились в одну секунду?

– Именно так! Конечно... – воскликнула радостно Милица, но потом вовремя спохватилась. Она тут же юркнула под скамейку, накрыла мордочку лапами. Из-под лап выглядывал один только изумрудный глаз.

– Все правильно, Аня, – подтвердила Анна. – Причём, это даже не секунда, а всего лишь миг. Миг – это очень короткий промежуток времени. Сейчас, в наше время, с учётом

достижений передовой современной науки, даже нет такого прибора, который смог бы его измерить с предельной точностью.

– Ух ты! Вот это, да. – воскликнула я. – В это трудно поверить, но это так здорово.

Конечно, здорово. Но это только одна сторона медали, которая выглядела блестящей и красивой. Но была ещё и вторая сторона, о которой на тот момент я ничего не знала – неизведанная, как обратная сторона Луны. Как я позже узнала: для того, чтобы делать такие переходы между параллельными мирами, нужно знать, как правильно выбирать места, в которых могут быть порталы, рассчитывать время, и учитывать многие важные факторы и обстоятельства, о которых я вам поведать не могу, дабы не подвергать вас неоправданному риску.

– А как же, Милица? – я вспомнила про лису, и про свой неудачный опыт с фотографиями. – Она же тоже была в нашем мире Яви. Значит, то время, когда она находилась там, здесь для неё тоже уместилось в один миг?

– Нет, – ответила Анна. – У жителей Навьего Мира все по-другому. В отличие от нас с тобой, они не привязаны к своему Миру такими узами и условностями, и у них нет такой необходимости находиться в обоих мирах одновременно. Они свободно могут перемещаться в любой из миров по своему выбору. И это ещё раз подчёркивает, насколько мы люди несовершенны и ограничены в своих возможностях. Не

в нашей власти освободиться от оболочки, которая нас удерживает в нашем мире.

– Хорошо, с этим все ясно, – сказала я. Хотя, на самом деле я еще не разобралась, как у Милицы всё это получается. – А что насчёт фотографий? Почему, на снимках её не видно?

– Всё дело в том, что природа проводников, разительно отличается от природы животных в нашем мире – пояснила Анна и указала, на светящийся ореол вокруг тела Милицы. – Для того, чтобы с ними взаимодействовать, людям требуется особое чувство восприятия. Но оно развито не у всех. А только у ограниченного числа людей, проживающих в нашем мире. И поэтому, для большинства людей, они невидимы. Их даже не распознают наши электронные приборы. Видеть их и общаться с ними, можем только мы. Люди с низким уровнем восприимчивости их даже не заметят. Это позволяет проводникам в нашем мире чувствовать себя в безопасности. А нам это их свойство открывает безграничные возможности. Мы можем договариваться со своими проводниками, и просить их проникнуть куда угодно, и с их помощью получать любые сведения. В общем, там, где нужно, они могут пройти незамеченными, и решить почти любые задачи. Вот поэтому мы и зовём их – проводниками.

Настоящий говорящий кот

Как же здорово иметь такого друга. Когда у тебя есть такой друг, то, наверное, тебе в жизни ничего не страшно. Я заглянула под лавку. Из тени сверкнули изумрудные глаза Милицы. Лиса заговорщицки улыбнулась. В этот миг она выглядела такой милой, что я прониклась к ней ещё большей симпатией. Неудивительно, что несмотря на все её шалости, Анна была готова её терпеть и закрывала глаза на все её выкрутасы и выходки.

– Вот бы и мне такого друга, – высказалась я мечтательно. – А где я могу найти такого проводника?

Анна взглянула на меня и с сочувствием покачала головой. Она нисколько не была не удивлена моим вопросом. И судя по всему, с такими запросами, я была уже не первой.

– Это очень не просто, – ответила она, – найти своего проводника.

Ей не хотелось меня расстраивать, но, лучше было сказать правду сразу, чем позволить мне стать жертвой собственных иллюзий.

– Многие ведьмы и чародеи годами пытаются отыскать и расположить к себе таких союзников, – она посмотрела на меня с сожалением и, не найдя возможности меня утешить, развела руками, – но даже у них не всегда это получается.

Я тяжело вздохнула. Что ж, увы мне несчастной, но... ни-

чего с этим не поделаешь. Жалко, конечно. Но я не намерена сдаваться. Буду усердно учиться... и полагаю, что наверняка будет трудно, но рано или поздно, я всё равно обязательно встречу своего проводника. Ведь если у Анны получилось встретить и расположить к себе Милицу, то значит у меня получится.

– Почему так трудно их найти и с ними подружиться? – мысль о проводниках не оставляла меня в покое. – С чем связаны эти трудности?

– Как обитатели Мира Нави, они привыкли жить по своим законам, – Анна поняла, что ей так просто от меня не отделаться и будет проще посвятить меня в эту тайну, чем избежать дальнейших назойливых вопросов. – А союз с человеком налагает на них ряд строгих обязательств, которые следует выполнять. А такое требование, согласишься, может понравиться далеко не каждому. Как друг – проводник не может бросить человека в беде. А иногда, ради этого даже приходится рисковать жизнью. Вот ответ себе честно: а у тебя есть такие друзья, ради которых, ты на всё готова? Если нет, то захочешь ли ты их заводить, если тебе выдвинут такие требования?

– Да, – согласилась я, – тут на месте проводника и впрямь, тысячу раз подумаешь. Связать свою жизнь с каким-нибудь человеком или побережь свою пушистую шкурку. Хотя, если бы у меня был такой друг, то я бы всё отдала ради него. А если бы с ним случилась какая-нибудь беда, я бы за него по-

шла и в огонь, и в воду.

Анна по-доброму улыбнулась и положила свои руки мне на плечи. Тут наши взгляды встретились, и я прочитала в её глазах, что она и в правду несколько не сомневается в искренности моих слов. И пусть впереди у меня ещё будет много работы, и не известно, сколько еще всевозможных испытаний поджидает меня на моём пути, но по сравнению с той наградой, которую я надеюсь получить – это всё пустяки. И мы обе с ней были уверены, что оно того стоит. Человек обладающий магией – это человек, который сам себе бросил вызов, ответил на него и поднялся на следующую ступень развития. Но маг в союзе с проводником – это симбиоз, который мощней и эффективней во много раз. Причём, от такого союза, как правило, они выигрывают оба.

– Это кто тут, собрался идти за меня и в огонь, и в воду? – раздался голос неподалёку.

Он был вкрадчиво мягкий и слегка урчащий. Такой ... бархатистый, с лёгким прононсом – как говорят французы.

Мы в изумлении стали оглядываться по сторонам, в поисках того, кто к нам обратился. Теперь даже Милица высунулась из-под скамьи, подергала носом и принялась принюхиваться.

И тут мы разом – все вместе – заметили рыжего кота. Вальяжной походкой, неторопливо петляя между деревьев, он приближался к нам.

Кот шел так бесшумно, что под его лапами не зашуршал

ни один листочек. Сложилось такое впечатление, что он к нам не шёл, а как бы перетекал.

Матёрый котяра, рыжий, с белой грудкой и янтарно-оранжевыми полосками. Пушистый мех, хвост трубой, а над розовом носом белое пятнышко – в форме перевернутого сердечка. Щётка длинных блестящих усов врастопырку и пышные бакенбарды. Настоящий Кот в Сапогах, но только без сапог – ни дать, ни взять.

– Глазам своим не верю, – еле слышно произнесла Анна.

В своей жизни она повидала чудес не мало, но вот такое чудо не вписывалось в её привычное представление о магических законах. Где это видано, чтобы проводник сам являлся и откликался на первый зов. Да ещё и кого – обычной девочки, которая даже не ведьма, а так... заглянула в магический шар и пожелала ей стать, пять минут назад.

– Всем вам, здравствуйте, – с лучезарной улыбкой промурлыкал кот. – Гутен таг, нихау, здоровеньки булы, ас саяму алейкум.

Приветственный тон холёного котяры был переполнен сарказмом и иронией. Но при этом его обращение к нам выглядело, как издёвка. Напротив, в общении с нами он был учтив и необычайно вежлив. Такие небрежные, но в то же время открытые манеры придавали его облику некий гротеск и делали его неотразимым. Я обомлела от излучаемой им харизмы, слегка растерялась и ничего не смогла сказать в ответ.

– Здравсьте-здравсьте, – как обычно, опережая всех, вклинилась со своим приветствием Милица. – И каким же ветром вас сюда к нам занесло? Откуда будете, такой важный, пушистый и красивый?

Кот был мил, улыбчив и невозмутим. Он скосил взгляд на Милицу, и по-дружески ей подмигнул, будто был с ней знаком уже лет триста.

– Котов не приносит ветром. В отличие от остальных, они всегда сами выбирают куда им идти, – подколки Милицы его не задели. Он как-то сразу своим внутренним чутьём распознал в ней союзника и дал ей это понять при помощи прозрачного намёка. – И кстати, с кем им дружить, они тоже выбирают сами. А вот о том, из каких краёв я к вам явился... то это долгая и занимательная история. Возможно когда-нибудь, когда мы с вами узнаем друг дружку поближе, я вам её расскажу – если, конечно, вам это действительно будет интересно, и вы меня об этом попросите должным образом. Но только для этого нужно будет создать соответствующую атмосферу... Например, приготовить достойный ужин, с соответствующим меню – как минимум из восьми блюд. И сервировка должна быть на соответствующем уровне. Хорошо бы ещё если бы там был камин, кондЭлябры, свечи, приятная ненавязчивая музыка... К вашему сведению, Глинке я предпочитаю Шопена...

– Гмм... – Анна громко хмыкнула и тактично сделала вид, что у неё запершило в горле.

– Ах... да!.. – спохватился кот. – Прошу меня простить, – тут он учтиво поклонился Милице. – С вами очень приятно было поболтать, но сегодня, я тут несколько по другому делу.

– Это вы уж нас простите, – ответила она ему вдогонку, – сеньор Красноречие и сама Галантность.

Ну что за день, подумала про себя она, народу вон сколько, а вот поговорить по душам то и не с кем.

Но кот уже не обращал на неё внимания и степенной, бесшумной поступью, минуя Анну, направился ко мне. Слегка прищурившись, он изучал меня, сканирующим взглядом, словно старался не упустить из виду ни одной детали.

Когда он подошёл ко мне вплотную, то обошёл меня ещё пару раз по кругу. При этом обнюхивал меня без всякого стеснения и то и дело, забавно шевелил усами.

– Вы сударыня, как я слышал, изволили запросить у Вселенной себе проводника, – он прищурился, склонил голову набок и посмотрел на меня в упор.

Я кивнула в знак подтверждения.

– И вот... Вселенная вам ответила, – кот отставил заднюю лапу назад и склонился передо мной в глубоком поклоне. – Вот он я. Вуаля... Прошу меня любить и жаловать. Я весь в вашем распоряжении. Надеюсь, вы не разочарованы?..

В ответ я уже было собралась тоже поклониться, и подражая ему, сделать реверанс. Но тут почувствовала на своём плече руку Анны. Благо, хоть у неё хватило благоразумия, удержать меня от этого комичного недоразумения.

Пока я находилась в растерянности и гадала, как мне поступить, она решила вовремя вмешаться и сказала коту вместо меня:

– Спасибо вам. Это было весьма любезно с вашей стороны.

Она произнесла это искренне, и кот это почувствовал. Благодаря своей проницательности, он чутко улавливал настроение собеседника, и мог без труда отличить настоящую правду от лести.

– Вы уж простите нас, если мы будем общаться с вами не так изысканно и высокопарно, как вы к этому возможно привыкли, – Анна не собиралась перед ним заискивать, и посему изъяснялась прямо и вела себя непринуждённо. – Мы из простых. Не судите нас строго, но мы не обучены таким манерам и будем признательны вам, если вы примете нас, такими, как есть... Без излишней помпезности и расшаркиваний.

– Ну, если из простых, то это в корне меняет дело, – кот сделал вид, что весьма разочарован и раз так, то собирается от нас уходить.

Анна даже успела пожалеть, что вмешалась некстати и всё испортила. Она с сожалением, – как бы извиняясь, – посмотрела на меня. Я тоже расстроилась и тут же почувствовала, как мои глаза повлажнели, от накатывающих слёз. Ну вот, как же так... неужели всё кончено. А я ведь так надеялась...

Но тут внезапно кот развернулся, крутанул в воздухе сальто и плюхнулся в ворох листьев. Подняв лавину пожухлой

листвы, он запрыгнул на дерево. С него на другое... потом на третье... С дерева на скамью. И развалился на ней, как барин после сытного и вкусного обеда. Подпер усатую голову передней лапой, а задние закинул – одну на другую. Пушистый хвост кота заколыхался из стороны в сторону, отчего тот стал похож на султана, возлежащего под пышным опахалом.

– Что ж, ну тогда и я буду с вами предельно откровенен, – кот поднял из-под лавки сухой жёлтый лист, и прищурив глаз, принялся изучать на нём прожилки. – Ведь это даже не плохо, что вы из простых. И на самом деле, меня это ни сколько не удручает. Хотите знать, где у меня уже этот этикет?

Он отбросил сухой лист в сторону и сделал жест, прочертив лапой поперек горла.

– Вот уже где... Поначалу всё это кажется таким великолепным и изысканным. Но потом, со временем весь этот лоск набивает оскомину и начинает приедаться, – кот перевернулся на спину и заложил передние лапы под голову. Теперь, поле барина и султана он стал похож на умудрённого жизнью философа, которому не хватало лишь пустой бочки и зажжённого фонаря. – Скажу вам так: я много странствовал по разным странам и на своём веку немало повидал. И везде... везде меня преследовало одно и то же: приключения, страсти, интриги, погони, разоблачения. Всё вышперечисленное – это, конечно, увлекательно и интересно... но иногда мне хочется чего-нибудь эдакого ... непритязательного и обыкновенного. Простого кошачьего счастья и больше ни-

чего. Хотя, нет... к нему бы еще неплохо обрести настоящего, верного друга – в качестве компаньона. Да ещё мисочку тёплого молока в придачу.

Тут он внезапно вскочил и в один прыжок оказался возле меня.

– Ах мррр... мяу, юная леди, я тут подумал и сделал кое-какие выводы. Один из них – это то, что вы мне подходите. И если не станете возражать, то я готов буду стать вашим проводником.

– Как это здорово! – я едва не подпрыгнула от радости и тут же захлопала в ладоши.

Кот запрыгнул ко мне на руки. Позволил себя погладить, и тихо урча от удовольствия, как-бы, между прочим, произнёс:

– Остаётся лишь соблюсти маленькие формальности и скрепить наш договор общеизвестной ритуальной клятвой.

Я не знала о том, что существует такой договор между людьми и проводниками. А уж о том, что придётся ещё произносить какую-то там клятву и тем более. Уловив в моём взгляде немой вопрос, Анна сделала успокаивающий жест и всё объяснила:

– Данный договор заключается между обеими сторонами устно. В подобных случаях, если есть свидетели, коими в данный момент мы являемся с Милицей этого вполне достаточно. В понятиях нашего мира этот договор не имеет никакой юридической силы... – тут на секунду она остановилась и ненадолго задумалась.

Возможно, она поняла, что для девочки моего возраста эта формулировка звучит, как-то сухо, скучно и заумно. Чтобы не перегружать мой подростковый разум непонятными выражениями и ничего для меня не значащими терминами, она решила мне все объяснять простыми словами. И правильно сделала. Иначе бы я точно ничего не поняла.

– На самом деле – это очень важный договор. Слова, произнесённые человеком и проводником, отпечатываются в высших сферах мироздания и наряду с подобными клятвами остаются там навеки. Как только они будут произнесены, то с этого самого момента данный договор вступает в силу и действует во всех мирах. Отныне обе стороны будут обязаны уважать друг друга и соблюдать во всём, чем бы они не занимались, общие интересы – оберегать друг друга от неприятностей и никогда не бросать в беде. А если потребуется, то даже пожертвовать собой ради спасения друга.

– Всё верно, – кот утвердительно кивнул. – Готов подписаться под каждым вышеизложенным словом.

– Я, тоже готова, – сказала я и почувствовала, как внутри меня что-то начало меняться.

По телу волной пробежало приятное тепло. Сердце забило ещё более учащенно. И если бы в этот момент я могла бы заглянуть вовнутрь себя, то увидела бы вокруг своего сердца ореол волшебного фиолетового сияния. Это магия Навьего Мира поделилась со мной частичкой своей силы.

– Поздравляю вас, юная леди, теперь вы стали самой на-

стоящей ведьмой, – кот протянул мне лапу, и мы пожали друг другу руки. Или пожали лапы... Или лапы-руки... В общем не знаю, как это правильно должно звучать, но надеюсь, что вы меня поняли.

– Спасибо. Никогда не думала, что стать настоящей ведьмой – это будет так просто. Кстати, а почему мы с вами до сих пор на вы? – спросила я кота. – Ведь вы теперь стали моим проводником, и мы с вами теперь друзья.

– Это, моя дорогая, потому что мы ещё друг другу не представлены, – ответил мне он и галантно поклонился. – По этикету... Ах, ну да... пардоньте. Опять я вам пудрю мозги этим этикетом. Прошу прощения, издержки моей прошлой жизни.

– Да, ничего страшного, всё это пустяки, – не знаю, как остальных, но лично меня его манеры даже забавляли. – Тогда давайте знакомиться. Меня зовут, Аня.

– Очень приятно, – кот поклонился. Видно, забыл про недавнее обещание. – Разрешите представиться в ответ, – тут он набрал полную грудь воздуха и скороговоркой выпалил: – Бенджамен Иоахим Ибн Ахмед Гарсия Хосе Луис Мария Санчес.

Я тут же подумала, что такое странное по звучанию имя для кота, было необычайно красивым и романтическим. Но вот незадача – оно было таким трудно произносимым и длинным. На секунду я даже представила ситуацию: как мы с ним гуляем по улице, он убежал... и тут вдруг я решила

его позвать. Вот интересно, а не получилось бы так, что после этого на мой призыв, вместо одного кота-проводника, со всей округи, ко мне сбегалась бы целая свора котов. А то ещё и собак... – если допустить, что их хозяева назвали бы своих питомцев схожими именами.

– А можно я буду звать вас... – тут я вспомнила, что мы с ним уже знакомы и тут же поправилась. – Ой, прости. Можно я буду звать тебя, как-нибудь... покороче?

– Конечно, можно, – кот пренебрежительно отмахнулся расплылся в лучезарной улыбке. – Можешь звать меня, Бенджамен. Если тебе так больше нравится.

– Бенджамен, звучит красиво и благородно, но как-то слегка старомодно и чересчур по-европейски, – заметила Анна. И тут ей пришла в голову одна идея. – А ты не против, если мы будем называть тебя, Вениамин. Для нашей культуры это ближе, и на слух более привычно.

– А что, на новый манер, звучит вполне неплохо, – согласился кот и произнес свое имя, прислушиваясь к его новому звучанию. – Ве-ни-а-мин... Замечательно. Мне нравится. Да, в этом определённо что-то есть... Вениамин.

– Вот и славно, – сказала я.

Теперь я тоже была довольна. У меня появился новый друг и проводник с красивым и благородным именем, Вениамин.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – по-свойски хлопнула его по плечу Милица. – Короче, будешь теперь у нас

Веней.

Похоже, придумывать прозвища и сводить всё к шуткам, было её излюбленным занятием.

– Но-но, – возмущённо запротестовал кот. – Попрошу обращаться ко мне без фамильярностей. Какой я тебе Веня. Сказано же, Вениамин.

Мишень

Помещений в замке Штайнерхольм было предостаточно. Многие из них пустовали десятилетиями. Будь это какой другой замок – им тут же нашли бы должное применение. Разместили бы в них экспозиции какого-нибудь музея или сдали в аренду под новомодную гостиницу. Не так давно, замок был признан ЮНЕСКО историческим памятником архитектуры. Но несмотря на это, он по-прежнему оставался полноправной собственностью Ордена. Теперь это давало право его владельцам никого не пускать во внутрь. Объяснить отказ можно было тем, что жители замка ведут скромный аскетический образ жизни, соблюдают обет молчания, и по этой причине не желают видеть посетителей, которые повсюду суют свой нос. В свою очередь Орден гарантировал международному сообществу то, что он сохранит древний замок в первоизданном виде и не будет возражать против размещения его фото в проспектах и каталогах по средневековой архитектуре, а также позволит жителям города и иностранным туристам фотографироваться на его фоне его стен.

На следующий день после их прибытия в замок Штайнер-

хольм, барон устроил для мальчиков полномасштабную экскурсию. Он провёл их вокруг замка по крепостной стене, показал им все башни и объяснил, какие из них, для чего были предназначены. После чего проводил близнецов в каменную галерею, из которой повел их в бывшую конюшню. Потом они спустились в винные подвалы, где барон показал им продовольственные кладовые и продемонстрировал им запасы, которые позволили бы обеспечить целый гарнизон, если бы замок попробовали окружить и взять в осаду.

Под северной стеной замка – той, что нависла над морем, – в сырых подвалах когда-то располагались тюремные казематы. В них содержали должников, фальшивомонетчиков, мятежных вассалов и самозванцев... и прочих разбойников, проходимцев и мародёров.

По соседству с тюремными камерами располагалась мало приметная келья палача и пыточная. Повествуя историю замка, Людвиг поведал ребятам, как в этих стенах дознаватели Ордена и инквизиторы проводили допросы, и как после них, приводились в исполнение суровые приговоры. Жан и Жак слушали его затаив дыхание, и глядя на ржавые пыточные станки и почерневшую и изъеденную грибок дыбу, рисовали в своём воображении жуткие картины. Если судить, по тому, что они слышали – то не легко было жить в те суровые времена.

После экскурсии барон занялся подготовкой учебных помещений для мальчиков. Он отдал распоряжение Себастья-

ну, чтобы тот переоборудовал в учебный класс зал, который ранее предназначался для аудиенций. Из пустующей библиотеки замка Себастьян принес сюда огромный глобус. Он был полым и состоял из двух полушарий, разделённых экватором – и открывался при помощи, тайного, встроенного механизма, как шкатулка гигантского размера. Внутри него помещалась астролябия и прочие уникальные астрономические приборы, о которых в двадцать первом веке уже, наверняка, никто и не помнил.

После обеда автомобиль курьерской службы привез из города новую письменную доску, а к ней в придачу два больших магнитных флипчарта на треногах. Они пригодятся им для работы с таблицами и наглядными пособиями. В амбаре за старой кузницей дворецкий нашёл ещё крепкие конторские столы, за которыми ещё пару веков назад сидели писари и сборщики налогов. Теперь, по прошествии стольких лет, эти столы барон решил использовать как парты. А дубовый стол из монастырской трапезной, на время их пребывания в замке, станет столом для преподавателей. О том, что они будут приезжать из города и давать близнецам урока, барон уже тоже договорился.

Во дворе – между кладовой башней и конюшней – они с дворецким установили деревянные мишени для стрельбы из лука, которые представляли собой толстые круглые диски, выпиленные из стволов вековых деревьев. Себастьян принес из мастерской две жестянки с масляными красками, и под-

красил на них белый фон и концентрические красные круги. К вечеру отреставрированные мишени подсохнут, и уже завтра в них можно будет стрелять.

К установленным во дворе мишеням, добавилось два манекена для отработки приёмов фехтования, а к ним ещё несколько хитрых приспособлений, о предназначении которых, Жан и Жак могли только догадываться.

С того самого дня – несмотря на дожди и пронизывающий морской бриз, вплоть до наступления заморозков, – в этом дворе мальчишки тренировались и оттачивали мастерство воинского искусства. А с наступлением зимы, часть тренажеров и спортивных снарядов перенесли в старую ратушу, где сквозь щели в разошедшихся оконных рамах, гуляли сквозняки. Но занятия там продлились недолго. Просторное, но холодное помещение ратуши было сложно нагреть и протопить. Дров на растопку уходило много, а толку с этого было с воробьиный клюв. Толстые стены из известняковой кладки медленно и неохотно нагревались, но сохранять тепло отказывались, и помещение быстро выстывало. Под высокими каменными сводами, продуваемой всеми ветрами башни, моментально становилось холодно и сыро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.